

eISSN 2311-2468
Том 8, № 7. 2020
Vol. 8, no. 7. 2020

электронное периодическое издание
для студентов и аспирантов

Огарёв-онлайн Ogarev-online

<https://journal.mrsu.ru>

ШИЛОВА Д. А.
СОВРЕМЕННЫЙ ПАНСЛАВИЗМ
КАК ФАКТОР РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИКИ В XXI ВЕКЕ

Аннотация. В статье рассматриваются истоки панславизма и тенденции его развития в XXI веке. Автор анализирует цели и результаты деятельности панславистских партий, движений, съездов. В работе исследуется современный панславизм в России и других славянских странах в контексте его воздействия на общество и политику.

Ключевые слова: панславизм, современный панславизм, XXI век, славянофилы, славянские народы, Славянский Собор, Всеславянский Съезд, славянские союзы.

SHILOVA D. A.
MODERN PAN-SLAVISM IN RUSSIAN POLITICS OF THE XXI CENTURY

Abstract. The article discusses the origins of Pan-Slavism and its development trends in the XXI century. The author analyzes the goals and results of the activities of the Pan-Slavist parties, movements, congresses. The paper explores modern pan-Slavism in Russia and other Slavic countries in the context of its impact on society and politics.

Keywords: Pan-Slavism, modern Pan-Slavism, XXI century, Slavophiles, Slavic peoples, Slavic Council, all-Slavic Congress, Slavic unions.

На современном этапе развития российского общества в качестве наиболее острых проблем выделяют трудности в экономике, политическом и государственном управлении, в отношениях на международной арене, потерю нравственных и духовных ориентиров российского общества, отсутствие национальной идеи и единых ценностей. Осмысливая поставленные вопросы, невозможно пройти мимо уже накопленного интеллектуального наследия русских философов, писателей и общественных деятелей прошлых эпох. Таким значимым фундаментом для развития русской культуры и русского общества были славянофилы – неординарные и самобытные мыслители XIX века, философское наследие которых насыщено и разнообразно.

Так, например, славянофилы настаивали на том, что собственное историческое прошлое (традиции, бытовой уклад, язык, особенности вероисповедания, костюмы, национальная еда, праздники и т.д.) формирует и определяет дальнейшие пути духовно-нравственного развития российского государства и общества. В современном мире периодически обсуждается идея о том, что знание своих истоков и культуры, а также извлечение уроков из своей истории не только не нужно для современного государства, желающего интегрироваться в мировое сообщество, но и даже мешает этому. Однако в

настоящее время в ряде славянских стран идея панславизма жива, а вопрос, касающийся тенденции объединения славянских народов и сохранения культурных традиций, не снят с повестки дня.

Роль и значимость панславистских объединений исследуют такие российские учёные как А. А. Григорьева [4; 5; 6], А. А. Лукьянчик [9], Г. В. Рокина [10; 11], В. А. Болдин [3]. Среди иностранных авторов наибольший вклад в исследование темы внесли Фридрих Энгельс [2], Иво Банац [1], Стоян Дончев [7], Вальдемар Чур [12]. Анализ работ вышеперечисленных авторов показывает, что теоретики панславизма, в основном, концентрируют свое внимание на вопросах становления и развития общеславянских движений в XIX-XX веках. Актуальность же данной научной работы состоит в том, что в ней рассматривается проблема распространенности идеи панславизма в XXI веке. Новизна данного исследования заключается в анализе влияния панславизма на политику и общество в разных странах.

Итак, основная проблема, которая поднимается в данной работе – это развитие панславизма в XXI веке. Таким образом, цель исследования – проанализировать роль панславизма в политике и общественной жизни в настоящее время. Для реализации поставленной цели необходимо решить ряд конкретных задач. Во-первых, выявить особенности панславизма XXI века. Во-вторых, определить какие общественные институты (движения, объединения, союзы) занимаются развитием панславизма в XXI веке. В-третьих, узнать, какие страны наиболее вовлечены в развитие панславизма. В-четвертых, выявить наиболее активные в аспекте развития панславистских тенденций регионы России. В-пятых, проанализировать влияние славянских партий на политику.

Существуют аспекты, которые могут в перспективе содействовать возрождению сильной панславистской идеи. Наиболее распространенным фактором, способствующим интеграционным процессам, является общность целей: например, экономических, хозяйственных или внешнеполитических [9]. Один из известных современных сторонников панславизма Вальдемар Чур писал о том, что Россия, будучи государством с сырьевой экономикой, имеет большой потенциал, который не реализуется по многим причинам. Тем временем Польше для укрепления и роста промышленности не хватает новых рынков сбыта и сырьевых источников, а также постоянного притока рабочей силы, который сейчас реализуется в основном благодаря украинцам и белорусам. Данный экономический фактор мог бы сплотить данные государства. Также, как отмечает автор, несмотря на бытующие предубеждения, молодые русские люди совершенно не настроены против западных соседей, поэтому «Польша могла бы быть для молодых русских, украинцев, белорусов проводником в Европу» [12].

Кроме того, общие интересы славянских народов могут проявиться в области внешней политики. Панславизм изначально возник как попытка противостоять гнету со стороны западноевропейских народов, то есть как внешнеполитический проект. В условиях гипотетического двухполюсного мира, в котором один полюс – США, западная Европа и страны их поддерживающие, а второй – Китай, баланс между ними мог бы стать объединяющим фактором [19].

Согласно Р. Влчку, одному из известных идеологов панславизма современности, это направление стоит рассматривать как продукт отдельных мыслителей, а не массы. Поэтому для прогнозирования будущего панславизма следует обратиться к его активистам. Поддержку «славянской взаимности» осуществляют главным образом славянские партии: Славянская партия Польши, Белорусская патриотическая партия, Славянская партия Украины, некоторые левые партии и другие. Украинская партия стала одним из учредителей международного объединения «Всеславянский собор», стратегическая цель которого имеет много отсылок к труду Н. Я. Данилевского «Россия и Европа» и заключается в «координации действий общественных организаций по укреплению дружбы и сотрудничества между славянскими странами, народами и их диаспорами в политической, экономической и культурной областях во имя создания Союза славянских государств – «Славии» [12].

I Собор славянских народов Белоруссии, России и Украины был организован в 2001 году. Стоит отметить, что инициатором проведения Собора стал Председатель Государственной думы Федерального собрания Российской Федерации Г. Селезнёв. Среди противников панславизма мероприятие вызвало острый резонанс, поэтому они обвинили Собор в показном характере и отсутствии реального влияния на политику. Кроме того, припомнился факт о том, что именно эти три восточнославянских государства – Россия, Украина и Белоруссия – поспособствовали развалу СССР. Уже 24 июня 2002 в Смоленске прошел II Славянский собор, в рамках которого активно обсуждался проект Союзного государства России и Белоруссии. Таким образом, можно констатировать, что сотрудничество славянских стран продолжилось.

В 2005 году в Минске проходил IX Всеславянский съезд. Это мероприятие было приурочено к 60-летию победы во Второй мировой войне. На Съезде было принято несколько значимых резолюций, в том числе и заявления, темой которых стало укрепление взаимоотношений с южнославянскими государствами. Помимо этого, участники Съезда выразили осуждение по поводу действий США в Ираке, а также в очередной раз обратились к Евросоюзу с требованием проявлять уважение к славянским народам. Это событие продемонстрировало решительное объединение славянских государств в борьбе с несправедливостью на международной арене.

III Славянский собор прошёл 24-25 апреля 2009 года в Киеве. Пожелание удачи Собору выразили главы России и Белоруссии, а патриарх Кирилл выступил с благословением участников съезда. Однако власти Украины никак не прокомментировали съезд Собора и его действия. В этом же году 3 октября в Праге прошёл первый Чешско-моравский славянский съезд, организатором которого выступил Чешско-моравский славянский союз.

С 12 по 13 ноября 2010 года в Киеве прошёл X Всеславянский съезд, который собрал более 350 делегатов из 11 славянских стран (из них 210 представляли Украину, а 140 — остальные славянские страны). Кроме того, в мероприятии был задействован и Всеславянский Собор, председателем которого является Николай Кикешев. Съезд официально приветствовали Председатель Верховного совета Украины Владимир Литвин и Президент Белоруссии Александр Лукашенко, что продемонстрировало факт поддержки со стороны правительства славянских государств. На Съезде были избраны председатель Международного славянского комитета (Николай Лавриненко) и его первый заместитель (Ян Минарж), а также почётный председатель (Александр Лукашенко). Важным этапом мероприятия стало официальное утверждение Устава Съезда, после чего делегаты выступили с обращением к белорусскому народу, в котором осуждалось выделение Западом значительных средств на так называемую «поддержку демократии».

Резкое ухудшение российско-украинских отношений после событий 2014 года резко снизило активность панславистских движений. Проходившие в последующие годы мероприятия не были столь многочисленными, как прежде. Приходится констатировать, что идеологические разногласия оказались во многих отношениях сильнее этнокультурной близости государств. В новых условиях уже невозможно было говорить о консолидированной позиции всего славянского сообщества.

В мае 2015 года прошёл съезд представителей «Собора», в котором приняли участие 14 делегаций и представители 16 славянских народов, что, по мнению организаторов съезда, «подтверждает полномочия для работы «Всеславянского собора». Результатом съезда стал принятый меморандум, в котором члены объединения взяли ответственность за защиту славянского наследия «от неприязней извне» и за воспитание настоящего и будущего поколений [12]. Однако вышеперечисленные партии реального влияния на политику не оказывают.

Большой вес в этом вопросе имеет Славянский парламентский союз, созданный после VII Всеславянского съезда в 1998 году, штаб-квартира которого находится в Минске. Задачей союза является координация действий парламентариев славянских государств. Сессии союза проводятся часто. В их работе принимали участие представители депутатского корпуса Болгарии, Сербии, Боснии и Герцеговины, Украины, Белоруссии, России и Приднестровья.

Что касается России, то здесь действуют движение «Славянский союз России», базирующееся в Санкт-Петербурге, Панславянское национальное добровольческое объединение, находящееся в Мурманске, и Панславянское молодёжное объединение из Томска (провело в 2012 году славянский молодёжный форум в Томске). В Словакии панславянские идеи реализует Словацкое движение возрождения. В Чехии – Чешско-Моравский славянский союз.

В заключение стоит отметить, что особенностью панславизма в XXI веке стала разрозненность славян в политическом, экономическом и культурном плане. Однако, существует ряд факторов, которые бы могли способствовать возрождению панславизма в XXI веке: интерес политиков к созданию союзов, деятельность активистов и партий, некоторое угасание популярности глобализма, а также использование Интернет-пространства, которое сегодня стало для большинства второй социальной средой. Также актуальна переориентация с материальных благ на духовность и культуру. По словам Р. Х. Касимова, «такая модель строится на культурной основе, хотя и содержит политико-экономический момент» [8].

Наиболее активными странами, выступающими за идею сплочения славянских народов, можно назвать Белоруссию, Украину, Россию, Польшу, Чехию. В России же городами, где активно развиваются идеи панславизма можно назвать Санкт-Петербург, Томск, Мурманск.

В то же время можно резюмировать, что строить прогнозы относительно славянской взаимности на данном этапе затруднительно, поскольку слишком активное влияние оказывает текущая политическая конъюнктура, связанная с противоречиями в системе международных отношений. Вероятнее всего, дальнейшей активизации панславистских движений будет способствовать нормализация российско-украинских отношений, а также постепенный переход стран Восточной Европы в выработку более самостоятельного от США и НАТО внешнеполитического курса.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Banac I. The National Question in Yugoslavia: Origins, History, Politics. – N.Y., 1984. – 233 p.
2. Engels F. Der demokratische Panslawismus // Neue Rheinische Zeitung. – No 222-223, 15-16.02.1849.
3. Болдин В. А. Панславистские политические концепции: генезис и эволюция / Под общей редакцией А. А. Ширинянца. – М.: Аквилон, 2018. – 376 с.
4. Григорьева А. А. Панславизм: идеология и политика: 40-е годы XIX – начало XX века: монография. – Иркутск: Аспринт, 2013. – 200 с.

5. Григорьева А. А. Проблема панславизма в советской историографии // Альманах современной науки и образования. – 2012. – № 4 (59). – С. 69–71.
6. Григорьева А. А. Становление российского панславизма в 40-80-е годы XIX века // Русская философия: история, методология, жизнь / отв. ред. Аляев Г., Суходуб Т. – Полтава: ООО «АСМИ», 2011. – С. 702–712.
7. Дончев С. Славянская идея в XXI веке [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://lit.lib.ru/d/donchew_s_d/text_0010.shtml (дата обращения 15.03.2020).
8. Касимов Р. Х. Цивилизация как категория постклассической политологии // Общество: политика, экономика, право. – № 1. – 2016. – С. 12–14.
9. Лукьянчик А. А. Панславизм как фактор интеграционных процессов современностью // Русский универсум в условиях глобализации. Сборник статей участников Всероссийской научно-практической конференции. – 2016. – С. 269–274.
10. Рокина Г. В. Славянское движение XIX-XX веков: Съезды, конгрессы, совещания, манифесты, обращения / Российская академия наук: Лексикографический семинар. – М., 1998. – 269 с.
11. Рокина Г. В. Теория и практика славянской взаимности в истории словацко-русских связей XIX в. // Славянское движение XIX-XX веков. – Казань, 2005. – С. 5–30.
12. Чур В. Русско-польские горизонты [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://vesparevenge.ru/?p=3661> (дата обращения 14.03.2020).

ТРУШИН М. С.
РОССИЙСКО-САУДОВСКИЕ ОТНОШЕНИЯ:
ЭНЕРГЕТИЧЕСКАЯ ДИПЛОМАТИЯ

Аннотация. В статье рассматриваются отношения между Российской Федерацией и Королевством Саудовская Аравия. Особое внимание уделяется значению фактора ценообразования основных энергоносителей во внешней политике обеих стран. Изучение этой проблемы позволяет выявить важные аспекты национальной безопасности России.

Ключевые слова: Россия, Саудовская Аравия, международные отношения, энергетическая политика, ОПЕК.

TRUSHIN M. S.
RUSSIAN-SAUDI RELATIONS: ENERGY DIPLOMACY

Annotation. The article considers the relations between the Russian Federation and the Kingdom of Saudi Arabia. The study is focused on the key role of fuels pricing in the foreign policies of the countries. Studying this problem reveals the important aspects of Russia's national security.

Keywords: Russia, Saudi Arabia, international relations, energy policy, OPEC.

Российская Федерация занимает восьмое место в мире по разведанному количеству нефти в мире и второе место по ее экспорту на мировой рынок. Доходы от продажи энергоресурсов на протяжении нескольких десятилетий являются основой российского федерального бюджета. В связи с этим увеличение или уменьшение прибыли от продажи природного газа и нефти может повлиять не только на финансовое состояние российского государства, но и на социальное состояние его граждан, а вместе с тем и на внутривнутриполитическую ситуацию. Поэтому отношения России с Саудовской Аравией, фактическим лидером стран-членов «Организации стран-экспортеров нефти» (ОПЕК), имеют важный стратегический характер.

В отечественной науке существует значительное количество исследований посвященных данной проблеме, среди них работы Е. Т. Гайдара, Г. Г. Косача, В. И. Аникина. За рубежом эту проблему в своих работах затрагивали Г. Киссинджер и С. Хендерсон.

В отличие от экспорта природного газа, где Россия, несмотря на «сланцевую революцию» в США, остается сегодня монополистом на европейском рынке, доходы от экспорта нефти во многом зависят от политических или экономических интересов Саудовской Аравии, занимающей первое место по этому показателю. Ввиду того, что около трети членов ОПЕК являются ее региональными союзниками (как ОАЭ или Кувейт), а также

значительное число членов близки ей в цивилизационном отношении (как мусульманский Алжир), Саудовской Аравии на протяжении нескольких десятилетий удавалось кооперировать их политику нефтедобычи в целях установления мировой цены на нефть, отвечающей геополитическим целям Королевства.

Например, после неудачной для арабских государств войны Судного дня 1973 г., ОПЕК, желая наказать поддержавших Израиль западные страны, устроила им энергетический кризис за счет сокращения объемов нефтедобычи, что спровоцировало четырехкратный рост цен на нефть. Еще один удар по странам Запада был нанесен за счет того, что рост мировых цен на энергоносители был выгоден их геополитическому противнику – СССР, который в новых условиях сумел получить огромные финансовые средства для реализации своих внутренних и внешнеполитических интересов. Таким образом, нефтяной кризис 1973 г. показал, что ОПЕК может эффективно регулировать мировую нефтедобычу, влияя на глобальную политику [1, с. 26].

Однако СССР и его правопреемница Россия в конце XX века также испытали и негативные последствия политики ОПЕК в свой адрес, что тоже было связано с политическими интересами Саудовской Аравии. Во-первых, это недовольство в связи с вторжением советских войск в Афганистан в 1979 г. и страха дальнейшего усиления советского влияния на мусульманский мир. За счет совместного со странами ОПЕК увеличения добычи нефти ее цена упала почти на 70% с 35 долларов за баррель в 1980 г. до 10 долларов за баррель в 1986 г., что привело к усугублению разразившегося экономического кризиса в СССР. Отношения Королевства с появившейся на месте СССР Российской Федерацией также долгое время оставались напряженными из-за двух чеченских войн и разных интересов на пространстве распадающейся Югославии. Поэтому мировые цены на нефть, несмотря на недолгий рост в 1991 году, упали к 1998 году до 9-10 долларов за баррель, что болезненно отразилось на финансовом состоянии Российского государства. Лишь с исключением из сферы российско-саудовских отношений «чеченского фактора» в 2004 г. и ростом цен на нефть с 2002 г., вызванным сокращением нефтедобычи в Мексике, Великобритании и Индонезии и последующей войной в Ираке в 2003 году, России удалось постепенно поправить свое экономическое положение, и, как следствие, геополитическое влияние [4, с. 132-133].

После распада СССР новое российское руководство, осознав силу ОПЕК, взяло курс на установление партнерских отношений со странами-членами этой организации и в особенности с Саудовской Аравией, чему были посвящены визиты в эту страну министра иностранных дел РФ А. В. Козырева в 1992 г. и председателя правительства Российской Федерации В. С. Черномырдина в 1994 г. Несмотря на наличие противоречий между двумя

странами в этот период, России все же в 1998 г. удалось получить статус наблюдателя в ОПЕК. С тех пор и по сей день ежегодно проходят консультативные встречи между председателем ОПЕК и, как правило, министром энергетики России. В «Энергетической стратегии России на период до 2030 года», принятой в 2009 году, прогнозируется увеличение экспорта российской нефти за счет повышения спроса на нее, особенно на азиатских рынках. При этом отмечается намерение правительства России активно вести диалог с другими нефтедобывающими странами с целью установления справедливых цен на энергоресурсы, одновременно снижая зависимость страны от этой отрасли [11]. Действительно, по данным Министерства финансов Российской Федерации, доля нефтегазовых доходов в Федеральном бюджете России в период 2010-2019 гг. составляла от 36% до 51% от общего числа доходов [5].

Современная Россия все еще остается зависимой от мировой цены на нефть, которые в свою очередь зависят от политических интересов Саудовской Аравии и ОПЕК, страны которой сегодня контролируют около 2/3 мировых запасов нефти и 35% ее добычи. Эта уязвимость дала о себе знать в 2014 году, когда общий спад развития производства в Европе, Китае и Индии, вызвавший переизбыток предложения нефти на мировом рынке, совпал с обострением геополитической ситуации на Ближнем Востоке. В Сирии, где с 2011 года идет гражданская война, столкнулись интересы Саудовской Аравии и ее союзника США с одной стороны и Ирана – с другой. Дипломатическая поддержка России сирийского правительства Б. Асада, поставки ему вооружения и военной техники вызвали недовольство Эр-Рияда, поддерживающего в этой войне сирийскую антиправительственную оппозицию. При этом обе страны занимают общую позицию по отношению к Исламскому государству Ирака и Леванта (ИГИЛ), но, как и в случае в российско-американских отношений, занимают разную позицию по вопросу кого из многочисленных группировок, принимающих участие в гражданской войне в Сирии, считать террористическими ячейками, а кого умеренной оппозицией.

Дополнительным фактором обострения отношений стало российско-иранское сближение из-за общей позиции в Сирии, а также быстрое развитие всесторонних отношений между этими государствами. Кроме того, одна из причин дипломатической и военной поддержки Россией сирийского правительства также связана с потребностями российского энергетического комплекса, а именно с угрозой строительства нефтепровода и газопровода из Саудовской Аравии, Катара, ОАЭ и Кувейта в Европу. Такое развитие событий может пошатнуть позиции России на европейском энергетическом рынке и привести к уменьшению цен на энергоносители. Однако сегодня этот проект невозможен из-за позиции правительства Сирии, через территорию которой должны пройти эти

трубопроводы, ввиду напряженных отношений между ней и ближневосточными монархиями. Разумеется, начавшаяся в сентябре 2015 году военная операция России в Сирии также вызвала недовольство королевства.

Так или иначе, Саудовская Аравия попыталась еще раз применить «нефтяной фактор», чтобы ударить по финансам России, отказавшись сократить объемы добычи нефти, создав переизбыток и обрушив цену с 114 долларов за баррель в июне 2014 года до уровня 45 долларов к лету 2015 года. Возможно, это действие подогревалось и давлением со стороны союзных ей США, недовольных действиями России в Крыму и на Юго-Востоке Украины в 2014 году [9]. Последующее падение цены на нефть привело к сокращению в российском бюджете с 2014 г. по 2016 г. нефтегазовых доходов с 7 до 5 трлн. рублей, в то время как сам бюджет сократился с 15 до 13 трлн. рублей [5]. В отличие от ситуации, в которую попал Советский Союз в 1985 году, Российская Федерация, несмотря на потерю значительной части выручки от экспорта нефти, сумела предотвратить ухудшение внутривнутриполитической ситуации в стране и не пошла на дипломатические уступки в ближневосточном регионе. Свои финансовые убытки Правительство РФ сумело компенсировать за счет повышения НДС с 18 до 20%, а также средств Государственного резервного накопительного фонда и Фонда национального благосостояния России. Более того, непродуманная политика Саудовской Аравии по наращиванию нефтедобычи привела к удару и по ее экономике, зависящей на 80% от нефтяной отрасли, из-за чего в этот период ее резервный фонд сократился почти на 200 млрд. долларов.

Падение цены на нефть, и, как следствие, сокращение доходов от ее продажи в обеих странах также напрямую связаны с новой энергетической политикой США. В конце 2015 года американский Конгресс отменил запрет на экспорт нефти из США, действовавший с 1975 года. Появление нового экспортера на мировом рынке в лице США может еще больше снизить стоимость барреля нефти. При этом саудовцы, не смотря на союзнические отношения с США, не могут рассчитывать на совместную координацию в вопросах ограничения объемов добычи и ценообразования нефти, так как все нефтедобывающие компании в США – частные, в отличие от принадлежащих или подотчетных государству компаний стран ОПЕК и России. Поэтому еще с конца 2015 года Саудовская Аравия и страны ОПЕК, несмотря на нерешенные противоречия, стали заинтересованы в координации своих действий с Россией [3].

16 февраля 2016 г. стало известно, что Саудовская Аравия и Россия, а также Катар и Венесуэла договорились о сокращении нефтедобычи, но только в том случае, если это соглашение поддержат другие крупнейшие производители. В ноябре 2016 г. на заседании ОПЕК+ (что означает участие в принятии важнейших вопросов не входящей в ОПЕК

России) было решено сократить нефтедобычу на 1,2 млн. баррелей в день, начиная с 1 января 2017 года с целью поддержания приемлемого уровня нефтяных цен. В мае 2017 года это соглашение было продлено до конца первого квартала 2018 года.

5 октября 2017 года в Москве состоялись переговоры Президента России В. В. Путина с королём Саудовской Аравии Салманом Бен Абдель Азизом Аль Саудом, который прибыл в Россию с государственным визитом. По итогам переговоров был подписан пакет документов, в том числе о сохранении договорённостей по заморозке объёмов добычи нефти. При этом в ходе визита поднимались и политические вопросы, касающиеся возможного ослабления российско-иранского и российско-сирийского сотрудничества в обмен на саудовские инвестиции в российскую экономику, по которым не удалось договориться [8, с. 188–189]. Следует отметить, что российско-саудовское сотрудничество в энергетической сфере из-за нового конкурента – США вовсе не означает политический разрыв между Королевством и американским правительством, остающимися геополитическими союзниками в ближневосточном регионе.

В результате политические разногласия между Россией и Саудовской Аравией, касающиеся послевоенной судьбы Сирии и конфликтогенной ситуации, сложившейся вокруг Ирана и его возможных разработок ядерного оружия, так и не были урегулированы. Более того, Саудовская Аравия недовольна дипломатической поддержкой России снятия международных санкций с Ирана, в связи с реализацией им условий соглашения о «Совместном всеобъемлющем плане действий» (СВПД), имеющим цель содействовать отказу Ирана от ядерных разработок. Это открывает ему возможность в будущем увеличить свой нефтяной экспорт, что, вследствие увеличения нефтяного предложения, также должно понизить стоимость этого энергоресурса. Одна только новость о смягчении санкций против Ирана в конце 2018 года привели к значительному понижению цены на нефть. В этих условиях страны «ОПЕК+» приняли решение о сокращении общего объема добычи нефти с начала 2019 года на 1,2 млн. баррелей в день. При этом это обязательство не касается Ирана в связи с вероятностью введения новых санкций против него, а также Ливии и Венесуэлы из-за их внутривнутренних проблем [2, с. 12].

Тем не менее, соглашение России и стран ОПЕК позволило ценам на нефть стабилизироваться в диапазоне 60-70 долларов за баррель. Благодаря этому наша страна смогла остановить падение экономики и сбалансировать бюджет, который вырос с 13 трлн. рублей в 2016 году до почти 20 трлн. рублей в 2019 году и стал профицитным. Однако стоит отметить, что благодаря росту мировых цен на нефть смогли активизироваться и заработать также наши конкуренты – это американские нефтяники, чья страна уже занимает третье место в мире по нефтяному экспорту [1, с. 28].

На саммите G20 в Осаке в июне 2019 года по результатам переговоров В. В. Путина с наследным принцем М. бин Салманом было принято решение о продлении действия соглашения об ограничении добычи нефти до 1 апреля 2020 года. По прогнозам предполагалось, что работа в формате ОПЕК+ может принести России в 2019-2020 гг. около 3,5 трлн. рублей. Визит В. В. Путина в Саудовскую Аравию, состоявшийся в октябре 2019 года, и его итоги явно свидетельствовали о сохранении заинтересованности обеих стран в дальнейшем сотрудничестве в вопросах определения объемов нефтедобычи и ценообразования энергоносителей. Об этом свидетельствует и заключение соглашений о совместном сотрудничестве в других отраслях экономики, что говорит о расчете обеих стран на продолжение сотрудничества в ближайшем будущем.

Утвержденный 2 декабря 2019 году Федеральный бюджет Российской Федерации на 2020 год снова вырос по сравнению с предыдущим годом и составил полные 20 трлн. рублей. Из них лишь 37% приходится на нефтегазовые доходы, то есть 7,4 трлн рублей по сравнению с 9 трлн. рублей в 2019 году (с учетом вероятной цены 42 доллара за баррель в 2020 году) [5]. Из этого можно сделать вывод как о намерении правительства России застраховать себя от возможных негативных ситуаций на нефтяном рынке в 2020 году, так и о вероятном действительном падении цен на энергоресурсы, связанном с желанием США активно осваивать мировой энергетический рынок, что означает возможную бесперспективность ОПЕК+.

Один из ведущих российский экономистов, аналитик и бывший работник аппарата администрации Президента России М. Л. Хазин, напротив, предостерегает российское руководство от дальнейшего сотрудничества в формате ОПЕК+ и предлагает отказаться от него. По его мнению, России не стоит бояться в ближайшем будущем падения цены на нефть ниже 50-60 долл. за баррель, так как этого не допустят США, которым это также будет невыгодно. Так как США могут в любой момент в угоду своим интересам понизить ее за счет выброса на мировой рынок дополнительных объемов нефти, сокращение российского нефтяного экспорта из-за соглашений ОПЕК+, по его мнению, не будет гарантией от возможного падения цены на нефть. Напротив, это лишь позволит американским нефтяным компаниям занять весь нефтяной рынок. Кроме того, и в США, и в Саудовской Аравии правительство в последние годы сократило налоговую нагрузку на нефтяные компании для повышения их конкурентоспособности, что, по мнению Хазина, следует сделать и России, если она не хочет постепенно потерять своих покупателей [10].

Один из ведущих нефтяных аналитиков Валерий Андиранов также прогнозирует отрицательные последствия от соглашения ОПЕК+. По его мнению, сегодня позиция Саудовской Аравии и стран ОПЕК уже не является определяющей в вопросе

ценообразования на нефтяном рынке. Он отмечает, что 90% торгуемой нефти сегодня – это бумага и только 5-10% – это физические объемы. Соответственно, кто контролирует бумажные рынки, тот контролирует и нефтяной рынок.

Таким образом, именно от США будет зависеть сегодня стоимость цены барреля нефти. А в связи с намерением американского правительства занять первую строчку в мировом нефтяном экспорте к 2024 году США явно будет выгодна высокая стоимость барреля нефти. При этом, по мнению аналитика, США будут устраивать разного рода провокации с целью освобождения мирового нефтяного рынка от потенциальных конкурентов. Среди подобных инструментов могут выступать «политические» санкции против экспортирующих нефть стран: например, Ирана. Также, к подобным провокациям аналитик относит и экологическую кампанию Греты Тунберг против увеличения добычи природных энергоресурсов. И, соответственно, соглашение ОПЕК+ также потенциально несет выгоду американским нефтяным компаниям [7].

В марте 2020 года стало известно, что правительства России и Саудовской Аравии не смогли договориться о новом сроке продления сделки ОПЕК+. Причиной стали разные интересы стран относительно дальнейших объемов нефтедобычи. Если Саудовская Аравия, напуганная вероятной стагнацией мировой экономики в 2020 году и падением спроса на нефть, настаивала на сокращении ее добычи в целях поддержания ее высокой цены, то Россия настаивала на сохранении прежних договоренностей, касающихся объемов нефтедобычи. Результатом разрыва сделки стало резкое увеличение добычи нефти в Саудовской Аравии в целях сохранения своих доходов за счет увеличения своей доли на нефтяном рынке. Это привело к обвалу стоимости нефти до 24 долларов за баррель и, как следствие, курса рубля до 78 рублей за доллар [6]. Подобная ситуация не только означала возможные финансовые потери для России в этом году, но и удар по американским нефтяным компаниям. Возможно, политика Королевства по увеличению добычи и направлена на то, чтобы сделать развитие нефтяной промышленности США нерентабельным. В апреле 2020 года на саммите ОПЕК+ Россия все же нашла компромисс с Королевством и согласилась сократить добычу нефти в целях стабилизации ее цены.

Таким образом, внутривластная стабильность, потенциал экономического развития, социальное положение и геополитические возможности России в значительной мере продолжают зависеть от доходов с продажи энергоресурсов. Приняв во внимание опыт советско-саудовских противоречий, Российская Федерация научилась периодически находить компромисс и договариваться с Саудовской Аравией по столь важному для нее вопросу ценообразования барреля нефти, несмотря на нерешенность внешнеполитических противоречий в регионе Ближнего Востока. Появление у этих стран нового конкурента в

лице Соединенных Штатов Америки, с одной стороны, может способствовать углублению их сотрудничества в целях совместного противостояния американской нефтяной политике, а с другой стороны обостряет конкуренцию между ними на мировом нефтяном рынке.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аникин В. И. Россия в формате «ОПЕК+»: перспективы, оценки, возможности // Инновации и инвестиции. – 2019. – № 5. – С. 24–31.
2. Бобылев Ю. Н. Мировой рынок нефти: основные тенденции 2018 г. // Экономическое развитие России. – 2019. – №1. – С. 10–13.
3. Гукасян Г. Перспективы России и ССАГПЗ: ОПЕК, Россия и падение цен на нефть // Российский совет по международным делам [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/perspektivy-rossii-i-ssagpz-opek-rossiya-i-padenie-tsen-na-n/?sphrase_id=32423437 (дата обращения 29.03.2020).
4. Косач Г. Г. Россия и Саудовская Аравия: эволюция отношений // Свободная мысль. – 2015. – № 6 (1654). – С. 129–142.
5. Министерство финансов Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.minfin.ru> (дата обращения 28.03.2020).
6. Нефтяная сделка России и ОПЕК развалилась [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.rbc.ru/economics/06/03/2020/5e621c139a7947397c940a99> (дата обращения 29.03.2020).
7. Передел мирового рынка нефти: Россию заманивают в ловушку имени Греты Тунберг [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.kp.ru/daily/27041.5/4106128> (дата обращения 25.03.2020).
8. Сафаргалеев И. Сотрудничество России и Саудовской Аравии в нефтегазовой сфере и религиозный фактор // Постсоветский материк. – 2019. – № 2 (6). – С. 186–194.
9. Хуан Цзин. Каковы причины резкого падения цен на нефть и как это влияет на обстановку в мире? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://inosmi.ru/world/20150120/225698173.html> (дата обращения 24.02.2020).
10. Эксперты рассказали о намерении США «подмять под себя» мировой энергорынок [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://lenta.ru/news/2019/10/14/energy> (дата обращения 25.03.2020).
11. Энергетическая стратегия России на период до 2030 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://minenergo.gov.ru/node/1026> (дата обращения 13.02.2020).

СОЛОВЬЁВА А. И.

**РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОТДЕЛЕНИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ РОССИИ:
СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ**

Аннотация. В статье выявляются тенденции развития региональных отделений политических партий РФ. Направления развития отделений определяются в ходе анализа различных версий ФЗ «О политических партиях» на предмет того, как меняются требования и положения к региональным отделениям политических партий Российской Федерации.

Ключевые слова: политическая партия, партийная система, региональные отделения, федеральный закон.

SOLOVYOVA A. I.

**REGIONAL BRANCHES OF POLITICAL PARTIES OF RUSSIA:
CONTEMPORARY DEVELOPMENT TRENDS**

Abstract. The article reveals the development trends of regional branches of political parties of the Russian Federation. Directions for the development of the branches are revealed through the analysis of various versions of the Federal Law "On Political Parties" with a view to how the requirements and normative acts for the regional branches of political parties of the Russian Federation are changing.

Keywords: political party, party system, regional branches, federal law.

Политическая сфера жизни общества всегда играла и будет играть большую роль в жизни людей. Политика регулирует и определяет направления развития нашего общества. В современном демократическом государстве большая часть общества стремится к участию в политике с целью влияния на политические решения, ведь от них зависит наша жизнь. Самым удобным институтом, позволяющим оказывать это влияние на политику, является политическая партия. В каждом регионе нашей страны функционируют региональные отделения различных политических партий. Изучать развитие этих региональных отделений, однозначно, важно, ведь именно через них люди получают доступ к власти и регулируют свою жизнь в обществе.

Политическая партия как общественный и политический институт является предметом изучения многих ученых. Сегодня система политических партий стремительно развивается, поэтому привлекает внимание многих политологов и историков. Среди современных ученых, рассматривающих этот вопрос, можно выделить политолога В. Я. Гельмана [2; 3; 4], депутата Московской городской думы З. М. Зотову [5; 6], политолога

и социолога Ю. А. Красина [10], историка С. Н. Лаврентьева [11], а также М. А. Молокова [12], Ю. Г. Коргунюка [8; 9].

Политическая партия – добровольно объединившаяся группа людей, целью деятельности которой является захват, удержание и осуществление политической власти в государстве или же оказание влияния на нее посредством деятельности их представителей в государственных органах и органах местного самоуправления. Региональное отделение политической партии представляет структурное подразделение, созданное уполномоченным руководящим органом, которое осуществляет свою деятельность на территории субъекта Российской Федерации. Как к самим партиям, так и к их региональным отделениям государством предъявляются определенные требования. Они были изложены в Федеральном законе «О политических партиях» от 11.07.2001 года. Эти требования постоянно подвергались редакции. Сравним редакцию № 32 от 08.12.2011 и редакцию № 50 от 03.01.2018 ФЗ «О политических партиях» с целью выявления тенденций развития региональных отделений политических партий.

В статье 3 пункте 2 настоящего Федерального закона перечислены требования, которым должна отвечать политическая партия. Во-первых, на сегодняшний день она должна иметь региональные отделения не менее чем в половине субъектов Российской Федерации (по редакции № 32 от 08.12.2011 партия должна иметь свои отделения в более чем половине субъектов). Во-вторых, на территории субъекта РФ может находиться лишь одной отделение данной партии. В-третьих, региональные отделения политических партий могут находиться только на территории Российской Федерации. В редакции 2011 года строго регламентировалась численность состава региональных отделений политических партий (более чем в половине субъектов РФ численность состава региональных отделений должна составлять не менее 450 членов, во всех остальных – не менее 200 членов). Сейчас же устанавливать минимальную численность членов региональных отделений может сама политическая партия в своем Уставе. Ослабление регламентации в вопросе численности членов региональных отделений политических партий обуславливает тенденцию роста количества региональных отделений, т.к. для их регистрации теперь нет численного порога.

В соответствии со статьей 15 пунктом 1 политическая партия и ее региональные отделения должны пройти государственную регистрацию. Только после государственной регистрации политическая партия и ее региональные отделения могут в полном объеме осуществлять свою деятельность, в том числе и как юридические лица. В 4 пункте прописано, что государственная регистрация региональных отделений может осуществляться только после регистрации самой политической партии. Важно отметить, что не менее чем в половине (по старой редакции в более чем половине) субъектов РФ

государственная регистрация региональных отделений политической партии должна быть оформлена не позднее чем через полгода после регистрации самой политической партии. Уменьшение количества субъектов РФ, на территории которых должны располагаться региональные отделения, также обуславливает тенденцию роста региональных отделений политических партий.

Регламентация процесса внесения региональных отделений политических партий в единый государственный реестр остается неизменной. В обеих версиях настоящего Федерального закона пункт 5 статьи 15 гласит: если на регистрацию региональных отделений были поданы все необходимые документы, содержащие достоверную и не противоречащую закону информацию, то в течение 5 рабочих дней сведения о регистрации политической партии и ее региональных отделений будут внесены регистрирующим органом в Единый государственный реестр юридических лиц.

Согласно современной версии ФЗ «О политических партиях», статья 19 не обязывает политическую партию ежегодно публиковать сводные финансовые отчеты в общероссийских периодических печатных изданиях, в отличие от редакции № 32 от 08.12.2011.

В соответствии с пунктом 1 статьи 21 ФЗ «О политических партиях» политические партии и ее региональные отделения должны осуществлять свою деятельность на основе своего Устава. У регионального отделения, как и у самой партии, есть своя четко определенная внутренняя структура. Пункт 2 статьи 24 говорит о том, что «высшим руководящим органом регионального отделения политической партии является конференция или общее собрание регионального отделения политической партии». В соответствии с пунктом 4 статьи 24 настоящего закона избрание руководящих органов регионального отделения должно осуществляться не реже 1 раза в 5 лет (по редакции № 32 от 08.12.2011 избрание руководящих органов должно осуществляться не реже 1 раза в 4 года).

Согласно последней редакции статьи 27 «Обязанности политических партий, ее региональных отделений и иных структурных подразделений», политическая партия и ее региональные отделения обязаны соблюдать Конституцию РФ, федеральные законы, свой Устав, обеспечивать представителям уполномоченных органов свободный доступ на открытые мероприятия, оповещать избирательную комиссию о выдвижении своих кандидатов на выборные должности в органы государственной власти и местного самоуправления не позднее чем за 1 день до проведения мероприятия в черте населенного пункта и не позднее чем за три дня (в редакции № 32 от 08.12.2011 оповещать необходимо было просто заблаговременно) за чертой населенного пункта. Региональное отделение также обязано раз в три года (в редакции № 32 от 08.12.2011 данные необходимо было

предоставлять ежегодно) предоставлять в территориальный орган данные о продолжении своей деятельности, численности членов регионального отделения политической партии и места нахождения своего постоянно действующего руководящего органа. Исходя из изменений сроков предоставления информации региональными отделениями политических партий, мы делаем вывод о том, что сегодня активно развивается тенденция ослабления подконтрольности уполномоченным органам процесса реализации своих целей региональными отделениями.

В соответствии со статьей 28 пунктом 4 региональные отделения политической партии «отвечают по своим обязательствам находящимся в их распоряжении имуществом».

В редакции № 50 от 03.07.2018 более строго регламентируется финансовая сфера деятельности политических партий и их региональных отделений. Так, в пункте 1 статьи 29 настоящего Федерального закона на сегодняшний день членский или вступительный взнос одного члена партии в год не может превышать определенной суммы, тогда как в ранних версиях ФЗ размер любого рода взносов могла регламентировать сама партия в своем Уставе. По редакции № 50 от 03.07.2018 в статью 29 был добавлен 3 пункт, который наделяет региональные отделения политических партий правом заключать договоры займа с физическими и юридическими лицами, а также кредитные договоры с последними. Суммы, на которую могут быть заключены договоры регламентированы данным законом, но право на их заключение значительно расширяет финансовые возможности как самих политических партий, так и их региональных отделений. В статью 35 редакции 2018 года был добавлен подпункт 3.1, который ввел и регламентировал процесс размещения Центральной избирательной комиссией Российской Федерации и избирательной комиссией субъекта РФ на своих официальных сайтах сведений о поступлении и расходовании средств региональных отделений политических партий. Исходя из данных изменений, мы делаем вывод о нарастании тенденции строгой регламентации финансовой сферы деятельности региональных отделений политических партий.

В отличие от редакции 2011 года ФЗ «О политических партиях» в редакции № 50 от 03.07.2018 региональным отделениям политических партий запрещается заключение сделок с иностранными государствами и иностранными юридическими лицами, с лицами без гражданства, с иностранными гражданами и так далее. Данное положение в редакции 2018 года вынесено в отдельный подпункт 4 пункта 31 статьи.

Деятельность региональных отделений политических партий, а также соответствие ее Уставу политической партии и соответствие законодательству РФ подлежит контролю со стороны уполномоченных органов. В соответствии со статьей 38 пункту 1 уполномоченные органы сегодня вправе не чаще 1 раза в 3 года просматривать документы региональных

отделений политических партий (по редакции № 32 от 08.12.2011 года уполномоченные органы могли знакомиться с документами не чаще 1 раза в год). Исходя из данных изменений, мы снова можем наблюдать тенденцию ослабления подконтрольности деятельности региональных отделений партий.

Борьба с нарушениями региональных отделений в двух рассматриваемых нами версиях одинакова. В соответствии с пунктом 2 статьи 39 настоящего Федерального закона соответствующий территориальный орган выносит региональному отделению партии письменное предупреждение в случае нарушения региональным отделением законодательства РФ. В предупреждении указываются допущенные нарушения и устанавливается срок их устранения (не менее 1 месяца). Если в установленный срок проблема не была устранена и предупреждения не были обжалованы в суд, то деятельность регионального отделения может быть временно приостановлена (на срок до 6 месяцев) решением верховного суда субъекта РФ. Согласно пункту 3 статьи 39 уполномоченный орган вправе подать заявление о приостановлении деятельности регионального отделения политической партии в суд после вынесения двух письменных предупреждений.

Если деятельность регионального отделения политической партии приостановлена, то, согласно статье 40 пункту 1, приостанавливаются и права регионального отделения: запрещается пользоваться государственными и муниципальными СМИ, организовывать и проводить митинги, демонстрации и т.д., принимать участие в выборах и референдумах, осуществлять финансовые операции (за исключением расчетов по хозяйственной деятельности, уплаты налогов, штрафов и т. д.). Если нарушение в установленные сроки судом будет устранено, то региональные отделения возобновляют свою работу. В противном случае федеральный уполномоченный орган или его территориальный орган, внесшие в суд заявление о приостановлении деятельности регионального отделения, вносит в соответствующий суд заявление о ликвидации регионального отделения политической партии. Данная статья не подверглась изменениям.

В статье 42 ФЗ «О политических партиях» говорится о ликвидации политических партий и их региональных отделений: «Региональное отделение и иное структурное подразделение политической партии могут быть ликвидированы по решению съезда политической партии, а в случае, предусмотренном ее уставом, также и по решению коллегиального постоянно действующего руководящего органа политической партии, по решению суда, а также в случае ликвидации политической партии». Заявление о ликвидации вносится в верховный суд субъекта РФ (после редакции № 28 от 02.04.2012 причина ликвидации отделения под буквой «в» утратила свою силу: отсутствие в региональном отделении определенного числа членов политической партии). Ликвидация по решению суда

не допускается со дня опубликования решения о назначении выборов в органы государственной власти того или иного субъекта РФ и до официальной публикации результатов указанных выборов.

Согласно 43 статье настоящего Федерального закона, решение о ликвидации регионального отделения можно обжаловать в установленном Федеральным законом порядке. В соответствии со статьей 44 региональное отделение политической партии не может самостоятельно принимать решение о своей реорганизации. Данное решение принимается на съезде политической партии (или в другом случае, предусмотренном Уставом партии, коллегиальным постоянно действующим руководящим органом политической партии). Данные статьи также не подвергались редакции [14].

Проанализировав различные версии Федерального закона «О политических партиях» на предмет того, как менялись требования к региональным отделениям политических партий, мы выделяем следующие тенденции их развития:

1. Ослабление подконтрольности деятельности региональных отделений политических партий. Данный процесс мы наблюдаем, исходя из перехода от ежегодного предоставления документации к проверке уполномоченным органам к одному разу в три года.

2. Увеличение численности региональных отделений политических партий. Увеличение обуславливается тем, что был устранен численный порог: если раньше необходимое число членов состава регионального отделения политических партий было закреплено в законодательстве РФ, то теперь оно определяется Уставом самой политической партии. Также увеличение региональных отделений связано с появлением новых политических партий. Для подтверждения данной тенденции обратимся к статистике количества политических партий и их региональных отделений политических партий в Российской Федерации.

С 2003 до 2009 гг. включительно смогли пройти перерегистрацию в соответствии с новыми требованиями 8 политических партий: «ЕДИНАЯ РОССИЯ», «КПРФ», «ЛДПР», «ПАТРИОТЫ РОССИИ», «Российская объединенная демократическая партия «ЯБЛОКО», «СПРАВЕДЛИВАЯ РОССИЯ», «ПРАВОЕ ДЕЛО», «Республиканская партия России – Партия народной свободы». У данных партий региональные отделения располагаются в 62-85 субъектах Российской Федерации [13].

После изменений в ФЗ «О политических партиях», где убрали четкое количество членов региональных отделений политических партий, а также после партийной реформы 2012 года число партий увеличилось до 61.

Региональные отделения у политических партий увеличиваются с каждым годом. Так «Коммунистическая партия КОММУНИСТЫ РОССИИ» имеет на данный момент 68 зарегистрированных региональных отделений и 5 региональных отделений находятся на этапе регистрации [7].

3. Усиление регламентации и появление точных числовых значений в финансовой сфере деятельности региональных отделений политических партий. Данная тенденция появилась для уравнивания возможностей различных политических партий и предупреждения незаконных финансовых махинаций.

4. Из первой тенденции логически вытекает тенденция к ликвидации региональных отделений политических партий. Проверая документацию и деятельность региональных отделений раз в три года, уполномоченные органы находят более грубые и серьезные нарушения, которые зачастую политическая партия не может устранить в установленные судом сроки (в течение 1 месяца), поэтому по ФЗ «О политических партиях» данные региональные отделения ликвидируют. Для иллюстрации данной тенденции обратимся к примеру ликвидации региональных отделений политических партий на территории Республики Мордовия.

Сайт регионального ЦИК Республики Мордовия опубликовал сообщение от 3 сентября 2019 года о ликвидации региональных отделений на территории региона следующих партий: «Народной партии России» «Социал-демократической партии России», «Народной партии «За женщин России», «Союза Горожан». Данные решения были приняты Управлением Минюста РФ по РМ «на основании соответствующих распоряжений Министерства юстиции России в соответствии с Федеральным законом «О политических партиях» и на основании решений Верховного Суда России» [1].

Таким образом, мы делаем вывод, что сегодня наряду с увеличением количества регистраций региональных отделений политических партий растет и число их ликвидаций. Для продолжительного и эффективного функционирования политической партии необязательно иметь как можно больше региональных отделений: важно соблюдать Конституцию РФ, Федеральные законы, Уставы и другие нормативно-правовые акты, систематически вести отчетность, а также следовать первоначальным целям и задачам, заявленным партией.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. В Мордовии ликвидировали несколько отделений политических партий [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://stolica-s.su/news/policy/218403> (дата обращения 20.04.2020).

2. Гельман В. Я. Политические партии России: от конкуренции к иерархии // Полис. – 2008. – № 5. – С. 135–152.
3. Гельман В. Я. О становлении российской партийной системы и практиках политических коалиций // Полис – 1997. – № 3. – С. 188–191.
4. Гельман В. Я. От «бесформенного плюрализма» – к «доминирующей власти»? (Трансформация российской партийной системы) // Общественные науки и современность. – 2006. – № 1. – С. 46–58.
5. Зотова З. М. 100 лет российской многопартийности. – М.: РЦОИТ, 2006. – 235 с.
6. Зотова З. М. Политические партии и избирательный процесс. – М.: РЦОИТ, 2002. – 176 с.
7. Информация о региональном покрытии политической партии «Коммунистическая партия КОММУНИСТЫ РОССИИ» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://komros.info/regions> (дата обращения 20.04.2020).
8. Коргунюк Ю. Г. От псевдодоминирования к псевдогегемонии. Новинки российского партстроительства: лето 2006 г. // Полития. – 2006. – № 2 (41). – С. 140–170.
9. Коргунюк Ю. Г. Партийное строительство в России на рубеже тысячелетий // Политические партии и проблемы развития демократии и парламентаризма. – М.: МГПУ, 2001. – С. 47–68.
10. Красин Ю. А. Метаморфозы российской реформации: политологические сюжеты. – М.: Институт социологии РАН, 2009. – 496 с.
11. Лаврентьев С. Н. Новые основания классификации политических партий в современной России // Власть. – 2012. – С. 127–131.
12. Молокова М. А. Становление и развитие оппозиционных партий в современной России // Вестн. Томского гос. ун-та. – 2010. – № 338. – С. 57–63.
13. Список политических партий, зарегистрированных Минюстом России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rg.ru/2015/05/19/partii-dok.html> (дата обращения 20.04.2020).
14. Федеральный закон «О политических партиях» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_32459 (дата обращения 20.04.2020).

ГРИГОРЬЕВА Е. Л., СМІРНОВ В. В., СУХАНОВА А. С., ФЕДОТОВА М. И.
ПРОЦЕССЫ ПОЛИТИЗАЦИИ БОЛЬШОГО СПОРТА В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Аннотация. Статья посвящена проектам реформирования европейского клубного футбола, исходящим от УЕФА и ряда ведущих клубов. Выявлена их либеральная и глобалистская сущность. На конкретных примерах показано влияние политических идей на современный спорт.

Ключевые слова: спорт, значение глобализации, футбол, экономика, международные отношения.

GRIGORIEVA E. L., SMIRNOV V. V., SUKHANOVA A. S., FEDOTOVA M. I.
POLITIZATION OF PROFESSIONAL SPORTS IN CONTEMPORARY WORLD

Abstract. The article is devoted to the reform projects of European club football coming from UEFA and a number of leading clubs. Their liberal and globalist nature is revealed. These examples demonstrate the influence of political ideas on modern sport.

Keywords: sports, meaning of globalization, football, economy, international relations.

Одним из принципов функционирования олимпийского движения, равно как и всего спорта высоких достижений, является знаменитое высказывание барона П. де Кубертена «Спорт вне политики». По вопросу о соответствии/несоответствии данного изречения действительности написано немало работ, в том числе и отечественными авторами. В первую очередь уместно выделить московского исследователя В. И. Столярова, опубликовавшего немало трудов по данной проблематике и, в том числе, монографию «Спорт вне политики и в мире политики» [19].

В целом, как показала практика (причем различных периодов), приведенное нами в данной работе выше высказывание П. де Кубертена не нашло своего воплощения в реальной жизни. Это в полной мере было продемонстрировано в XX веке: например, бойкотами Олимпийских игр 1980 и 1984 годов, осуществленных по инициативе США и СССР соответственно [2, с. 257]. В недавнем прошлом элементом политизации спорта стал допинговый скандал, коснувшийся не только отдельных атлетов из Российской Федерации и даже не только отечественного спорта в целом, но и российского государства как такового [7, с. 152; 18, с. 94].

Разумеется, нельзя не признать, что спорт играет и позитивную роль в современном мире. Например, он является частью дипломатии, выступая в качестве «мягкой силы» того или иного государства [3, с. 97; 9, с. 100; 12, с. 176; 13, с. 35]. Неслучайно, например, что первые контакты между странами часто начинаются со спортивных соревнований. Яркий пример

тому: контакты между СССР и Китайской Республикой (Тайвань) начались с баскетбольного поединка между сборными командами данных государств [22, с. 70].

Однако, как нам представляется, политизация в большом спорте может проявляться не только как инструмент давления на неуютное части мирового сообщества государство (в этой связи прежде всего упомянем допинговый скандал, крайне негативно сказавшийся на отечественном спорте – прежде всего на легкой атлетике) и не только как инструмент «мягкой силы». Ничуть не менее важны и проявления перемен в большом спорте, связанные с глобализацией [5, с. 37; 10, с. 62; 15, с. 25; 17, с. 29]. Из наиболее актуальных проявлений этой связи уместно упомянуть, что свою лепту в распространении коронавируса COVID-19 сыграл футбольный матч в рамках Лиги чемпионов между итальянским клубом «Аталанта» и испанской «Валенсией» [8].

Упомянем, что в получении понятием «глобализация» академического статуса и в его бурном распространении отмечается значительная роль американского социолога Р. Робертсона. В 1985 году он пояснил понятие глобализация, а уже в 1992 году отметил основы своей концепции в отдельной книге [6, с. 75]. Р. Робертсон глобализацию воспринимает как «сжатие» мира и усиление взаимозависимости всех его частей, что связано с распространенным осознанием целостности, единства мира. Другими словами, в концепции Робертсона выделяется «объективный процесс расширения взаимодействия между различными регионами мира и отражение данного процесса в сознании людей» [16, с. 230]. Следует признать, что «понятие глобализации в научном обиходе тесно связано с наметившейся в последние десятилетия тенденцией к повышению уровня интеграционных процессов в мировом обществе, что затрагивает как сферу экономики, так и сферы политических и информационных взаимодействий» [4, с. 46]. В полной мере глобализация коснулась и спорта [11, с. 423]: особенно, разумеется, коммерчески привлекательных его проявлений.

Для подтверждения тезиса о влиянии глобализации на спорт следует обратиться к двум проектам реформирования европейского футбола. Первый из них сравнительно недавно был представлен официальным институтом в лице УЕФА. Согласно нему, предлагается с 2024 года изменить формат главного европейского клубного турнира – Лиги чемпионов [14]. Суть преобразования заключается в том, чтобы было большим присутствие клубов из наиболее сильных первенств: имеется в виду «большая пятерка» (английская футбольная Премьер-лига, испанская Примера, немецкая Бундеслига, итальянская Серия А и французская Лига 1). Доступ же для других клубов (даже чемпионов с историей побед на европейском уровне: например, московского ЦСКА, санкт-петербургского «Зенита», белградской «Црвены Звезды», бухарестской «Стяуа») будет существенно затруднен. Логика сторонников

нововведения понятна: среди клубов из чемпионатов «большой пятерки» есть те, которые являются весьма узнаваемыми во всем мире и обладают огромным бюджетом и, соответственно, большими возможностями и потенциалом. А потому, даже не показывая по тем или иным причинам на сегодняшний день высоких результатов, эти клубы все равно интереснее для многомиллионной аудитории – и, как следствие, для рекламодателей и т.д., нежели малобюджетные клубы из стран северной, южной и восточной Европы, которые по определению менее интересны для широкой аудитории в мире (особенно за пределами европейского континента).

В данном случае речь идет не в последнюю очередь и о том, что УЕФА за счет европейских кубков перераспределяло доходы, выравнивая различия между богатыми клубами (в основном из «большой пятерки») и менее обеспеченными клубами из стран с более низкими показателями в плане развития экономики (хотя и это выравнивание было тоже относительным [20, с. 35]). То есть УЕФА действовал вполне в социалистическом духе. Существует мнение, что такой подход вообще характерен для современной международной бюрократии, а европейская спортивная бюрократия лишь подтверждает тезис о наличии означенной тенденции.

Отход же от этой практики, объективно направленный на увеличение зрительского интереса и увеличение доходов от трансляций и различных рекламных контрактов, соответствует либеральному подходу к экономической политике, суть которого можно сформулировать следующим образом: больше сделавший для развития дела должен больше получать.

Другой проект исходил не от УЕФА, но от самих клубов, относимых однозначно к категории сильнейших [1; 21]. Руководство одиннадцати из таковых выступили с идеей создания Европейской Суперлиги, которая бы объединила только наиболее богатые и известные клубы из «большой пятерки» (с возможным привлечением еще нескольких успешных и далеко не самых бедных клубов из Португалии и Нидерландов). Суть идеи опять же в возможности топ-клубам заработать существенно больше от продаж прав на трансляции и т.д., нежели это можно сделать в нынешних реалиях за счет как выступлений в национальных первенствах и еврокубках. Логика ясна: условный «Милан» (пусть даже и не показывающий выдающихся результатов, как, например, в середине 2000-х годов), может заработать куда больше денег от матчей с условным «Манчестер Сити» и мюнхенской «Баварией», нежели от игр с малоизвестными итальянскими клубами вроде «Кьево» и «Фрозине».

Роль УЕФА в случае принятия такого решения будет существенно ниже, нежели в настоящее время. Собственно, означенная структура на клубном уровне окажется без какого-

либо влияния на футбольных грандов, а в перспективе возможна ситуация, имеющая место в хоккее с шайбой. В данном виде спорта, как известно, сильнейшая лига мира – Национальная хоккейная лига (НХЛ) – по сути очень мало зависит от Международной федерации хоккея с шайбой (ИИХФ), причем в ряде случаев вопросы участия/неучастия занятых в НХЛ звезд мирового хоккея в турнирах, организуемых ИИХФ, принимаются совершенно без учета мнения последней. Подчеркнем, что коммерческий интерес также лежит в основе такого рода решений, ибо интерес со стороны зрителей и рекламодателей к соревнованиям, проводимым под эгидой НХЛ, весьма велик.

В целом, как нам представляется, сами проекты по созданию европейской футбольной суперлиги являются глобалистскими и либеральными по своей сути. Они также направлены на подрыв национального суверенитета, пусть и всего лишь в спортивной сфере (другое дело, что в отдельных случаях и такой подрыв суверенитета может сыграть весьма негативную роль).

Таким образом, следует признать, что спорт, связанный с большой коммерцией, в настоящее время по определению не может быть вне политики. При этом отметим также, что спорт высоких достижений может не быть в современных реалиях частью межгосударственного противостояния, но неизбежно будет являться ареной борьбы крупного бизнеса и международной бюрократии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. 11 європейських футбольних топ-клубів узгодили вихід з УЄФА і створення Суперліги – ЗМІ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://nv.ua/ukr/amp/16-jeuropejskikh-futbolnikh-top-klubiv-uzhodili-vikhid-z-ujefa-i-stvorennja-superlihi-zmi-2504702.html> (дата обращения 12.03.2020).
2. Дубровский Д. Ю. Права человека. Олимпийские игры – нужно вычеркнуть? Дебаты о правах человека и Олимпийские игры 1980 в Москве // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. – 2018. – № 5 (121). – С. 255–274.
3. Золотухин И. Н. Чемпионаты мира по футболу в геополитическом измерении // Ойкумена. Регионоведческие исследования. – 2009. – № 4 (11). – С. 95–111.
4. Исаева Ф. Д., Плотников В. В. К вопросу о прояснении термина «глобализация» в современной социологии // Актуальные вопросы социогуманитарного знания: история и современность: межвузовский сборник научных трудов. – Краснодар, 2016. – С. 46–51.
5. Исмаилов Н. О. Глобализация, глобализм и социальная справедливость в спорте // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2018. – Т. 1. – № 1. – С. 35–47.

6. Казаков М. А., Макарова К. Е. Феномен публичной дипломатии: подходы к изучению и новые возможности // Социально-гуманитарные знания. – № 8. – 2018. – С. 72–79.
7. Каменков В. С., Заболотная О. С. Исторический, правовой и иные взгляды на допинг в спорте // Актуальные проблемы правового регулирования спортивных правоотношений Сборник материалов VII Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Челябинск (Россия) – Минск (Республика Беларусь). – 2017. – С. 149–157.
8. Копылов Р. Возможная причина вспышки вируса в Италии – матч «Аталанта» – «Валенсия». Под угрозой были все 40000 фанатов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.sports.ru/tribuna/blogs/mama4h/2760579.html> (дата обращения 12.03.2020).
9. Левин Е. А. Футбол как феномен общественно-политической жизни в современном мире // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. – 2015. – № 2 (92). – С. 98–101.
10. Марголис Н. Ю., Пахомова Е. А., Федотова М. И. Особенности современной либертарной критики феномена «большого спорта» // Вестник НГТУ им. Р. Е. Алексеева. Серия: Управление в социальных системах. Коммуникативные технологии. – 2014. – № 2. – С. 60–65.
11. Марков А. С. Спорт высших достижений как фактор глобализации // Актуальные проблемы глобальных исследований: Россия в глобализирующемся мире Сборник научных трудов участников VI Всероссийской научно-практической конференции с международным участием / Под редакцией И. В. Ильина. – Москва, 2019. – С. 423–424.
12. Мартыненко С. Е. Спорт как фактор дипломатического диалога // Этносоциум и межнациональная культура. – 2014. – № 8 (74). – С. 176.
13. Наумов А. О. Спортивная дипломатия как инструмент «мягкой силы» // Мировая политика. – 2017. – № 4. – С. 32–43.
14. Одинцов Е. Угроза для бедных: УЕФА реформирует Лигу чемпионов. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.gazeta.ru/sport/2019/05/09/a_12346621.shtml (дата обращения 12.03.2020).
15. Океанова З. К. Глобализация и спорт – проблемы и тенденции развития // Спорт: экономика, право, управление. – 2014. – № 4. – С. 24–26.
16. Пензина Е. В. Феномен глобализации: глобализация и вестернизация // Вестник КрасГАУ. – 2012. – № 8 (71). – С. 228–233.

17. Рыбкина О. С., Федотова М. И., Ширшова М. А. О природе документов международных спортивных организаций как источников права // *Философия права*. – 2014. – № 6 (67). – С. 27–30.
18. Собянин Ф. И., Ирхин В. Н., Никулина Т. В., Пересыпкин А. П. Современный олимпийский спорт: кризис ценностей // *Теория и практика физической культуры*. – 2018. – № 7. – С. 94–95.
19. Столяров В. И. Спорт вне политики и в мире политики. – М.: Русайнс, 2017. – 288 с.
20. Тельных Д. А. К вопросу справедливости распределения доходов в европейском футболе // *Вопросы социально-экономического развития регионов*. – 2018. – № 2 (5). – С. 32–36.
21. Туманов А. Президент УЕФА исключил создание европейскими топ-клубами Суперлиги [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sportrbc.ru/news/5bf3e5b29a7947292538c3f8> (дата обращения 12.03.2020).
22. Чжицун В. От жесткого противостояния к первым шагам сотрудничества (Москва – Тайбэй, вторая половина XX в.) // *Россия и АТР*. – 2007. – № 4 (58). – С. 64–73.

РАХИМОВ А., ФОМЕНКОВ А. А.

**ПАРТИЙНАЯ СИСТЕМА РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН:
ОСОБЕННОСТИ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ**

Аннотация. В статье выявляются значимые особенности партийной системы Республики Узбекистан, определяются наиболее важные особенности ее генезиса и тенденции развития. Сделан вывод о сходстве узбекского и российского законодательства о политических партиях. Выявлены причины слабости партий в политической системе современной Республики Узбекистан.

Ключевые слова: политические партии, система, Республика Узбекистан, влияние, президентская власть, доминирование, светский характер, исламизм.

RAKHIMOV A., FOMENKOV A. A.

**THE PARTY SYSTEM OF THE REPUBLIC OF UZBEKISTAN:
PECULIARITIES AND TRENDS**

Abstract. The article deals with the key features of the party system of the Republic of Uzbekistan. The genesis and development trends of the party system are determined. It is concluded that the laws on political parties in Uzbekistan and Russia are similar. The reasons for the weakness of parties in the political system of the modern Republic of Uzbekistan are revealed.

Keywords: political parties, system, Republic of Uzbekistan, influence, presidential power, domination, secular character, Islamism.

Представляется, что значимым показателем завершенности или же, наоборот, незавершенности демократического транзита является роль партий в политической системе. В случае слабости политических партий утверждать о завершении демократического транзита, как минимум, преждевременно. Данный тезис вполне можно проиллюстрировать на примере Республики Узбекистан.

Начало многопартийности связано с периодом перестройки, когда в УзССР, как и в других регионах СССР, появились неформальные политические структуры. Исследователь Б. Фахритдинов указывал, что таковые возникли во второй половине 1988 года: «затем под различными лозунгами они стали оформляться в движения, объединения и партии» [19, с. 87]. Представляется, таким образом, что 1988-1991 годы были первым этапом существования партийной системы Узбекистана.

Второй этап хронологически ограничен 1992-1995 годами. Было создано четыре политических партии. При этом нельзя не указать, что, во-первых, почти сразу в стране появилась «партия власти» в лице Народно-демократическая партия Узбекистана (Halq

Demokratik Partiyasi). Для сравнения в Российской Федерации по-настоящему успешный проект по созданию «партии власти» был реализован лишь в начале нынешнего столетия: это было слияние партий «Единство» и «Отечество – Вся Россия» в партию «Единая Россия». Во-вторых, зарегистрированная в конце 1991 года Народно-демократическая партия Узбекистана (позднее была переименована в Национально-демократическая партия «Фидокорлар» [17, с. 80]) появилась в результате трансформации Компартии Узбекской ССР, но при этом актив партии после 1991 года не выступал за воссоздание СССР.

Укажем также, что не играли существенной роли организации, апеллировавшие к дореволюционному политическому опыту: такие, например, как партия «Дашнакцутюн» в Армении, «Мусават» в Азербайджане или Конституционно-демократическая партия в России (в 1980-х – 1990-х гг. она роли не сыграла, но именно из ее рядов вышел известный российский политик Д.Г. Рогозин [20, с. 27]). Судя по всему, данное обстоятельство показывало, что опыт партийного строительства в Узбекистане весьма невелик и, в основном, связан с КПСС.

Третий этап в истории узбекской многопартийности уместно ограничить 1996-2004 годами. В 1996 году был принят Закон Республики Узбекистан от 26 декабря 1996 года № 337-I «О политических партиях» [5]. Это событие содействовало институционализации политических партий в стране. Кроме того, важно подчеркнуть, что в 1996 году приостановил свое членство в Народно-демократической партии Узбекистана президент страны И. Каримов. Разумеется, этот ход был лишь тактическим, да и контроль над партией со стороны главы государства не ослаб, однако формально было продемонстрировано, что самая сильная партия в стране дистанцировалась от главы государства. При этом «анализ партийной системы Узбекистана ... свидетельствует, что есть только одна доминирующая партия оказывающая влияние на общественную жизнь страны – проправительственная НДПУ. Все остальные партии также лояльны властям, организованы по инициативе президента, чтобы нейтрализовать обвинения в удушении оппозиции. Партии в Узбекистане формируются «сверху». Их основатели и лидеры представляют интересы столичной интеллигенции. Создание новых партий будет продолжаться в результате раскола прежних структур или по решениям «сверху»» [23, с. 43].

Заслуживает упоминания в контексте настоящей статьи также Закон 2004 г. «О финансировании политических партий» [4]. Он «... определил источники, основные принципы, доступность сведений о финансировании, целевое использование финансовых и иных средств; порядок государственного финансирования уставной деятельности и участия политических партий в выборах в Законодательную палату и другие представительные органы государственной власти, деятельности фракций в Олий Мажлисе и т.п.» [10, с. 297]. Завершение данного этапа обычно связывают с парламентскими выборами, на которых был

сформирован парламент (Олий мажлис) с шестью фракциями в нижней его палате. Важно подчеркнуть, что в 2004 году три оппозиционные партии не были допущены к выборам по формальным причинам [7, с. 18]. То есть было продемонстрировано, что оппозиция может существовать, но не может реально противостоять официальной власти [7, с. 21].

Следующий, четвертый этап в истории узбекистанской многопартийности длился с 2005 года вплоть до принятия 2007 г. Конституционного Закона «Об усилении роли политических партий в обновлении и дальнейшей демократизации государственного управления и модернизации страны» [9]. На этом этапе при соблюдении формального равенства между официально действующими партиями имело место вмешательство государства в функционирование партий, прежде всего, путем государственного финансирования последних. В определенной мере по аналогии с Российской Федерацией можно утверждать, что была сформирована «партия власти» в широком смысле этого понятия [14, с. 18]. Она включала в себя не только «партию власти» непосредственно, но также и другие официально действующие партии, которые поддерживали практически все инициативы президент И. Каримова.

Пятый этап уместно начать с принятия Конституционного закона «Об усилении роли политических партий в обновлении и дальнейшей демократизации государственного управления и модернизации страны». Этот закон наряду с Законом «О политических партиях» и «О финансировании политических партий» является «...правовой основой формирования системы многопартийности в стране» [2, с. 117].

Завершающий, шестой этап в истории политических партий Республики Узбекистан начался после принятия «Концепции дальнейшего углубления демократических реформ и формирования гражданского общества в стране» в 2010 году [18, с. 177] и продолжается по сей день. Важно отметить, что политическим партиям было отведена «...наиболее важная роль по сравнению с другими институтами гражданского общества в области защиты прав и интересов человека и гражданина» [6, с. 149]. Укажем также, что на настоящем этапе именно «...политические партии принимают непосредственные участие в назначении главы органов местных властей» [22, с. 133].

Следует указать, что даже избрание на пост нового главы государства в 2018 году Ш. Мирзиёева, являвшегося членом партии УзЛиДеп (узбекистанских либерал-демократов), никак не повлияло в целом на характер партийной системы страны. Разумеется, сами итоги выборов в парламент были иными: так, в 2014 году «... большинство мест в парламенте страны получила относительно молодая и динамичная партия предпринимателей УзЛиДеп, получившая 52 места, 36 мест получила партия «Миллий тикланиш», 27 мандатов досталось партии НДПУ, 20 мест в парламенте получили представители партии «Адолат»» [11, с. 26].

Крайне важно отметить несколько значимых особенностей партийной системы Республики Узбекистан в целом. Во-первых, следует признать, что законодательство, регулирующее деятельность партий во многом похоже, например, на российское. В частности, «в соответствии со статьей 6 Закона «Об общественных объединениях» «политическая партия должна иметь своими членами не менее двадцати тысяч человек, проживающих в не менее восьми территориальных субъектах (областях), включая Республику Каракалпакстан и город Ташкент, а профессиональный союз — не менее трех тысяч человек». В соответствии со статьей 57 Конституции Республики Узбекистан «запрещается создание политических партий по национальному и религиозному признакам» [12, с. 33-34]. Весьма схожие нормы есть и в Федеральном законе от 11 июля 2001 г. «О политических партиях» № 95-ФЗ. Укажем также, что и узбекистанский, и российский законы не позволяли бы «... по примеру ФРГ зарегистрировать Христианско-социальный союз, действующий только на территории земли Бавария, или партию датского меньшинства земли Шлезвиг-Гольштейн – Южно-Шлезвигский союз избирателей» [3, с. 192]. Впрочем, такому положению дел есть объяснение, о котором мы напишем ниже. Кроме того, «в ст. 57 Конституции введены бескомпромиссные конституционные запреты, а именно – запрещается создание и деятельность политических партий, а равно других общественных объединений, имеющих целью насильственное изменение конституционного строя, выступающих против суверенитета, целостности и безопасности республики, конституционных прав и свобод ее граждан, пропагандирующих войну, социальную, национальную, расовую и религиозную вражду, посягающих на здоровье и нравственность народа, а также военизированных объединений...» [21, с. 88]. Эти нормы также близки к российским. Важное отличие от российского законодательства о партиях: в Узбекистане партии имеют возможность создавать блоки [16, с. 205].

Во-вторых, партии в РУ трудно классифицировать по принципу правые/левые [15, с. 70]. Как следствие, традиционной для партийных систем стран с развитыми демократическими традициями между консерваторами, либералами и социалистами в Республике Узбекистан по сути нет (впрочем, подобная ситуация есть во многих странах мира [13, с. 225]).

В-третьих, оппозиция в стране «... условно могла быть разделена на три группы: 1 – национально-демократическая, которая выступает за создание демократического гражданского общества; 2 – клановая, основанная на межклановых противоречиях; 3 – исламская, которая ставит своей целью создание исламского государства» [10, с. 299]. В этой связи укажем, что в Республике Узбекистан имели место попытки создания радикальной исламской оппозиции. Так, «в 1996 году была создана «Исламская партия возрождения Узбекистана», переименованная затем в «Исламское движение Туркестана» – организация

террористической направленности, запрещенная в ряде государств мира» [1, с. 56]. Именно необходимостью борьбы с такого рода структурами, судя по всему, и вызван запрет на создание партий по конфессиональному принципу.

В-четвертых, большую роль, нежели партии, в политической систем Узбекистана играют клановые группы, основанные в основном по территориальному принципу [8, с. 118]. «Важно отметить, что кланы принимали самое активное участие в политическом переустройстве страны» [10, с. 296]. Судя по всему, необходимостью уравнивать кланы и можно объяснить низкий уровень именно идеологического противостояния в рамках политической системы страны.

Таким образом, наличие сильных клановых структур и недостаточная развитость партисипаторной политической культуры содействуют в целом малой роли партий в функционировании политической системы Республики Узбекистан. Согласимся с А. К. Янгибаевым, писавшим, что «... созданные реальные возможности для влияния партий на принятие решений о назначении главы правительства и хакимов, наличие механизма парламентского контроля за деятельностью исполнительной власти сами по себе не приведут к повышению эффективности их деятельности» [24, с. 71].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Агафонова О. В. «Исламская партия Туркестана» (бывшее «Исламское движение Узбекистана») // Религиозные экстремистские и террористические организации, запрещенные в Российской Федерации / Под редакцией А. А. Желтова. – Вологда, 2017. – С. 54–60.
2. Бердикулов С. Н. Роль политических партий в формирование гражданского общества в Узбекистане // ScienceRise. – 2015. – Т. 6. – № 1 (11). – С. 116–120.
3. Дзамихов Т. К. Сравнительный анализ некоторых особенностей становления и функционирования политических партий ФРГ, Англии, Швеции и России // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. – 2015. – № 2 (64). – С. 190–195.
4. Закон Республики Узбекистан «О финансировании политических партий» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.lex.uz/docs/168377> (дата обращения 12.07.2019).
5. Закон Республики Узбекистан от 26 декабря 1996 года №337-I «О политических партиях» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://base.spininform.ru/show_doc.fwx?rgn=781 (дата обращения 12.07.2019).

6. Икрамов Р. А. Правовые основы представления и защиты экологических прав человека политическими партиями в Узбекистане // Вестник Института законодательства Республики Казахстан. – 2012. – № 3 (27). – С. 147–151.
7. Исмоилов С. Узбекистан: Новые технологии политических партий на парламентских выборах-2004 // Центральная Азия и Кавказ. – 2005. – № 2 (38). – С. 16–21.
8. Казанцев А. А., Содиков Ш. Д. Политические элиты и перспективы эволюции политических систем Узбекистана и Казахстана // Ежегодник Института международных исследований Московского государственного института международных отношений (Университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации. – 2014. – № 1 (7). – С. 116–125.
9. Конституционный Закон «Об усилении роли политических партий в обновлении и дальнейшей демократизации государственного управления и модернизации страны» № ЗРУ-88 11.04.2007 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://lex.uz/docs/1164598> (дата обращения 12.07.2019).
10. Кулешова Н. С. Некоторые особенности партийно-политической системы Республики Узбекистан // Казанская наука. – 2014. – № 3. – С. 296–300.
11. Меликова М. Н., Исматуллоев О. А. Политические партии в контексте дальнейшего реформирования общества в Узбекистане // Social and economic problems of modern society Materials of the VIII international scientific conference. – 2018. – С. 25–27.
12. Мухтарова Т. С. Роль политических партий в развитии гражданского общества в Узбекистане // European Science. – 2019. – № 2 (44). – С. 32–36.
13. Пахомова Е. А. К вопросу о многообразии либерализма в современном мире // Вестник Волжской государственной академии водного транспорта. – 2013. – № 36. – С. 225–227.
14. Пшизова С. Н. За спиной партийных вождей: Спин-доктор у руля // Политические партии и политическая конкуренция в демократических и недемократических режимах / Под ред. Ю. Г. Коргунюка, Е. Ю. Мелешкиной, Г. М. Михалевой. – М.: КМК, 2010. – С. 11–25.
15. Раббимов К. Политические партии Узбекистана: Между правительством и обществом // Центральная Азия и Кавказ. – 2007. – № 1 (49). – С. 67–84.
16. Расулова М. А. Деятельность политических партий в Узбекистане // V Лужские научные чтения. Современное научное знание: теория и практика материалы международной научной конференции. – 2017. – С. 203–206.
17. Тилеукулова Г. С., Абиров В. Э. Участие и роль политических партий в избирательном процессе в Республике Узбекистан // Управление социально-

- экономическими системами: Теория, методология, практика сборник статей Международной научно-практической конференции: в 2 частях. – 2017. – С. 78–81.
18. Тургунов О. К. Некоторые вопросы развития избирательного законодательства Узбекистана в контексте расширения участия политических партий в выборных процессах // Право и жизнь. – 2016. – № 8-9 (217-219). – С. 173–188.
19. Фахритдинов Б. Гражданские движения и партии в Узбекистане: Тенденции развития и проблемы // Россия и мусульманский мир. – 2003. – № 2. – С. 87–99.
20. Фоменков А. А. Российское державничество в конце 1980-х - начале 1990-х гг.: Правые альянсы на левом фланге. – Н. Новгород: М-во образования и науки РФ, Федеральное агентство по образованию, ГОУ ВПО «Нижегородский гос. ун-т им. Н. И. Лобачевского», Ин-т стратегических исследований ННГУ, 2008. – 155 с.
21. Худайбердиева А. Н. Многопартийность как важный фактор в развитии и укреплении гражданского общества в Узбекистане // Экономика, управление и право: инновационное решение проблем: сборник статей IV Международной научно-практической конференции. – 2016. – С. 84–89.
22. Юлдашев О. А. Политические партии в условиях развития гражданского общества в Узбекистане // Актуальные научные исследования в современном мире. – 2017. – № 5-8 (25). – С. 132–137.
23. Ялчин Р. Становление многопартийной системы в Узбекистане // Центр. Азия и Кавказ. – 2001. – № 5. – С. 32–43.
24. Янгибаев А. К. Правовые основы участия политических партий в формировании органов государства в Узбекистане // Законность и правопорядок в современном обществе. – 2015. – № 24. – С. 67–71.

КУРОЧКИНА К. В., НАПАЛКОВА И. Г.

ИМИДЖ РЕСПУБЛИКИ МОРДОВИЯ В ОЦЕНКАХ ЭКСПЕРТОВ¹

Аннотация. В статье анализируется имидж как ресурс повышения конкурентоспособности территории. Способность соперничать за предпочтения зависит не только от наличия имиджевых атрибутов, но и от способов их позиционирования. Республика Мордовия обладает рядом преимуществ, связанных с этнонациональным компонентом, спортивным, образовательным и инновационным потенциалом. Однако отсутствие проработанной имиджевой стратегии, позволяющей аккумулировать все имиджевые элементы, снижает эффективность продвижения региона.

Ключевые слова: имидж, регион, стратегическое планирование, позиционирование, преимущество, конкурентоспособность, Республика Мордовия.

KUROCHKINA K. V., NAPALKOVA I. G.

IMAGE OF THE REPUBLIC OF MORDOVIA IN EXPERT ASSESSMENT

Abstract. This article analyzes the image as a resource for improving the competitiveness of the territory. The ability to compete for preferences depends not only on the presence of image attributes, but on the methods of their positioning. The Republic of Mordovia has a number of advantages related to the ethno-national component, sports, educational and innovative potential. However, the lack of a well-developed image strategy that allows to accumulate all image elements reduces the effectiveness of the region's promotion.

Keywords: image, region, strategic planning, positioning, advantage, competitiveness, Republic of Mordovia.

Социально-экономический статус региона, его конкурентоспособность напрямую зависят от его имиджа. Территории в условиях информационного общества становятся основой для привлечения тех или иных предпочтений в виде финансирования со стороны федерального центра, инвестиций от крупного бизнеса, притока высококвалифицированных трудовых мигрантов, туристов, удовлетворенности качеством жизни населения и др. Для этого необходимо формировать положительный успешный имидж и, как следствие, благоприятную репутацию региона.

Под имиджем в данной работе будет пониматься комплексный эмоционально воспринимаемый образ, наделенный определенными ценностями, целенаправленно формируемый и транслируемый средствами коммуникативных технологий, исходя из

¹ Исследование выполнено при поддержке РФФИ и Правительства РМ, проект «Современный регион в фокусе политической имиджологии (на примере Республики Мордовия)» (№ 18-411-130012 p_a).

имеющихся территориальных ресурсов, повышающий ее конкурентоспособность, продвигаемый среди представителей целевых групп и воспроизводимый ими [20 с. 423]. Репутация выглядит как совокупность ценностных убеждений и рациональных мнений о территории, подтвержденная практикой, сформировавшихся у людей (человека) на основе полученной информации о регионе, а также личного опыта взаимодействия или опосредованных контактов [7, с. 9].

Продвижение территории происходит в условиях конкурентной среды, где соперничество территорий, обладающих похожими имиджеобразующими факторами, идет за одними и теми же целевыми аудиториями. Позиционирование территории заключается в том, чтобы «исходя из оценок потребителей, осуществить выбор таких уникальных характеристик... и элементов комплекса маркетинга, которые с точки зрения целевых потребителей обеспечат конкурентные преимущества» [4 с. 44].

Исследования в области имиджа территории базируются вокруг нескольких блоков. Теоретико-методологические основы имиджа разрабатывают И. С. Важенина, С. Г. Важенин, А. А. Гравер, Д. С. Кадачигова, Е. Д. Малёнова, М. В. Терских, Е. А. Сергеева, С. Г. Чувакова, М. В. Сбусина [8; 12; 15; 19; 27; 30] и др. Основные векторы дискуссии касаются терминологического аппарата, прежде всего, сущности феномена «имидж», междисциплинарный характер которого предполагает множество оснований для дефиниции. Базой для определений может выступать как отдельное научное направление / предметная область (социологическое, философское, политологическое, психологическое, культурологическое и др.), так и их коллаборация (социально-философский, социокультурный, социально-политический анализ), а также технологический (брендинговый, эмпирический, коммуникационный, символический), проблемный (территориально-географический, имиджевый, геополитический) и др. подходы. Дискуссии ведутся также вокруг соотношений понятий «имидж», «образ», «репутация», «доверие», «бренд», а также оснований классификации и структуры имиджа.

Технологии территориального позиционирования актуализированы в работах В. А. Бондаренко, А. Г. Вершининой, Т. А. Кравчук, В. А. Пулькиной, Г. Д. Рамазановой, Е. Б. Хорольцевой [3; 9; 18; 23; 24; 29] и др. Достаточно много работ посвящено событийному маркетингу и событийному PR как технологиям, позволяющим завоевывать интерес разных целевых групп и допускающих нивелирование и корректирование негативного имиджа дестинации, что актуально в условиях кризиса, санкционного давления, роста инфляции.

Специфика конструирования, сущность имиджевых стратегий и механизмы их продвижения в различных регионах России представлены в исследованиях С. А. Базилян,

Л. И. Бушуевой, Т. А. Камаловой, Е. В. Николаевой, В. Ю. Пашкус, Ж. Н. Тория [1; 5; 16; 21; 22; 28] и др.

Имидж Республики Мордовия рассматривается в работах О. А. Богатовой, В. В. Волковой, М. А. Жулиной, Л. А. Зайцевой, В. М. Кицис, Л. В. Кулаковой, М. И. Фирстова [2; 10; 13; 14] и др.

Анализ имиджевой стратегии Республики Мордовия в данном исследовании осуществлялся на основании результатов экспертного опроса, в котором приняли участие 32 специалиста, имеющие глубокие знания о предмете исследования, из них: 7 чел. – представители научного сообщества из вузов и научных организаций Мордовии; 5 чел. – представители органов государственной власти и управления; 5 чел. – представители СМИ; 5 чел. – представители общественных организаций; 5 чел. – представители бизнеса, в т.ч. туристического; 5 чел. – музейные специалисты. Опрос проводился в соответствии со специально разработанным бланком, один из тематических блоков которого был посвящен имиджу региона «де факто».

Экспертный опрос позволяет сделать ряд выводов.

1. Уровень сформированности имиджа Республики Мордовия – простой: «имидж Мордовии – стихийно формирующийся образ, наполненный мероприятиями, вписанными в общий контекст организации социокультурной жизни республики, ориентированный в основном на внутреннюю аудиторию» (44% экспертов).

2. Проблема территориального имиджа не является самостоятельной актуальной задачей для республики, данный вопрос отчасти включен в программы социально-экономического, культурного, туристического развития, а также достаточно эффективно разрабатываются и реализуются отдельные мероприятия (84% экспертов). Наиболее наполненными направлениями в плане мероприятий являются спорт, образование, наука, этнокультурный компонент. Так, в Государственной программе «Экономическое развитие Республики Мордовия» [11] понятие «имидж» актуализировано, во-первых, как одна из основных задач в рамках приоритетов государственной политики: «формирование позитивного имиджа Республики Мордовия как инвестиционно привлекательной территории, открытой для международного и межрегионального сотрудничества». Во-вторых, в контексте мероприятий по «Развитию внешнеэкономической, межрегиональной и выставочно-конгрессной деятельности»: «обеспечение проведения мероприятий, способствующих созданию благоприятного имиджа Республики Мордовия». В ряде регионов России на уровне региона утверждены концепции и стратегии имиджевой политики. Одна из передовых территорий в данном контексте – Республика Саха (Якутия).

3. Среди факторов, предложенных маркетинговым агентством «Global Market Insight» для составления рейтинга территорий, применительно к Республике Мордовия наибольшие баллы получили «Дружелюбие жителей» (4,42), «Красота и климат местности» (4,27) и «Впечатление, производимое территорией» (4,13). Наименьшее количество баллов набрал показатель, связанный с социально-экономическим развитием – «Качество жизни населения» (2,35). Согласно «Рейтингу российских регионов по качеству жизни – 2019» [17], составляемому ежегодно РИА Новости, Мордовия занимает 51 место (в 2018 г. – 44), а по уровню заработной платы 82 место (из 85) [26]. Данные оценки формируют противоречивость в восприятии территории: первичный имидж часто отличается от вторичного в направлении снижения благоприятного впечатления.

4. Оценивая сферы, формирующие благоприятные оценки внешней аудитории о республике, эксперты назвали: спорт (89%), этнокультурные проекты и мероприятия (79%), образование и науку (68%), инновационный кластер (52%). Эти оценки коррелируют с наполненностью мероприятиями как всероссийского, так и регионального уровней.

5. Среди событий последних лет, оказавших положительное влияние на имидж республики как для внутренней, так и для внешних аудиторий, все эксперты выбрали «Саранск – город-организатор Чемпионата Мира по футболу 2018 г.», благодаря которому образ региона был широко растиражирован: число туристов, посетивших Саранск, увеличилось на 1678%, а количество иностранных гостей возросло в 235 раз [6].

6. В число событий и особенностей развития последних лет, оказавших отрицательное влияние на имидж республики, эксперты отметили: «увеличение внешних долгов региона» (64%), низкий уровень заработной платы по сравнению с другими российскими регионами и регионами ПФО (36%), допинговые скандалы в легкой атлетике в целом и в спортивной ходьбе в частности (36%). По данным РИА Рейтинг, Мордовия на сентябрь 2019 г. была единственным субъектом РФ, в котором долговая нагрузка на бюджет превышала 100% [25].

Для перехода республиканского имиджа на новый «базовый» уровень, по мнению экспертов, необходимо: повышать качество жизни населения территории (60%); разработать и утвердить на уровне государственной программы целостную концепцию территориального брендинга (55%); привлечь к формированию образа территории специалистов в области имиджмейкинга (44%).

Таким образом, положительный имидж и благоприятная репутация региона являются залогом успешной репрезентации территории на общегосударственном и мировом уровнях. Проведенное исследование позволяет констатировать отсутствие целостного позиционирования Республики Мордовия. Значимость продвижения позитивного имиджа и

формирования положительной репутации опосредованно актуализировано в различных государственных программах; самостоятельная имиджевая стратегия республики, официально утвержденная органами государственной власти и управления, на данный момент не разработана.

Образ республики в настоящее время противоречив: с одной стороны, проводятся знаковые мероприятия, в т. ч. международного уровня; с другой – отмечаются: высокая долговая нагрузка, снижение качества жизни населения, низкий уровень зарплат как в общероссийском срезе, так и по ПФО. Нарастает несоответствие между первичным и вторичным имиджем территории, что в конечном итоге приведет к дисгармонии, диссонансу восприятия и недовольству среди разных целевых групп (от бизнеса до жителей региона).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Базилян С. А. Роль региональных брендов в накоплении символического капитала места (на примере Великого Новгорода) // Вопросы теории и практики журналистики. – 2017. – Т. 6. – № 4. – С. 592-602.
2. Богатова О. А. Социальные технологии управления республиканской и российской идентичностью в оценках населения Республики Мордовия: опыт качественного социологического исследования // Вестник Удмуртского университета. Социология. Политология. Международные отношения. – 2017. – Т. 1. – № 1. – С. 54–70.
3. Бондаренко В. А., Иванченко О. В. Роль событийного маркетинга в построении отношений с целевой аудиторией // Вестник Ростовского государственного экономического университета (РИНХ). – 2017. – № 4 (60). – С. 15–20.
4. Борисова О. М. Разработка стратегии позиционирования города (на примере Омска) // Региональная экономика: теория и практика. – 2010. – № 36 (171). – С. 44–51.
5. Бушуева Л. И., Просужих А. А., Напалков А. А. Позиционирование региона и роль событийного маркетинга в региональном позиционировании (на примере Республики Коми) // Региональная экономика: теория и практика. – 2018. – Т. 16. – Вып. 1. – С. 68–82.
6. В дни ЧМ-2018 турпоток в Саранске вырос на 1678 процентов [Электронный ресурс] // RG.RU. – Режим доступа: <https://rg.ru/2018/07/07/reg-pfo/v-dni-chm-2018-turpotok-v-saranske-vyros-na-1678-procentov.html> (дата обращения 18.03.2020).
7. Важенина И. С. Имидж и репутация территории // Региональная экономика: теория и практика. – 2010. – № 23 (158). – С. 2–12.

8. Важенина И. С., Важенин С. Г. Имидж, репутация и доверие в конкурентной экономике (территориальный аспект) // Маркетинг в России и за рубежом. – 2017. – № 3. – С. 67–78.
9. Вершинина А. Г., Просалова В. С., Смольянинова Е. Н. Событийный маркетинг: сущность и возможность применения, как механизма продвижения товаров и услуг в РФ // Азимут научных исследований: экономика и управление. – 2017. – Т. 6. – № 4 (21). – С. 71–74.
10. Волкова В. В., Кулакова Л. В. Роль этнокультурных особенностей региона в формировании геоимиджа (на примере Республики Мордовия) // Политика и общество. – 2017. – № 2. – С. 67–76.
11. Государственная программа «Экономическое развитие Республики Мордовия» (с изменениями на 11 ноября 2019 года) [Электронный ресурс] // Кодекс. – Режим доступа <http://docs.cntd.ru/document/424071536> (дата обращения 17.03.2020).
12. Гравер А. А. Образ, имидж и бренд страны: понятия и направление исследования // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2012. – № 3 (19). – С. 29–45.
13. Жулина М. А., Кицис В. М., Фирстов М. И. Позиционирование Республики Мордовия как туристской дестинации // Сервис в России и за рубежом. – 2019. – Т. 13. – № 4 (86). – С. 111–122.
14. Зайцева Л. А., Напалкова И. Г. Факторы территориальной индивидуальности национальных республик России как основа современного имиджирования (на примере Республики Мордовия) // Актуальные проблемы современной когнитивной науки: Сб. ст. – Стерлитамак: АМИ, 2019. – С. 21–30.
15. Кадачигова Д. С. Структурные элементы имиджа территориального субъекта // Балтийский гуманитарный журнал. – 2018. – Т. 7. – № 1 (22). – С. 73–76.
16. Камалова Т. А., Магомедбеков Г. У., Нажмутдинова С. А., Абдуллаев Н. А. Проблемы и перспективы устойчивого развития туристско-рекреационного комплекса Республики Дагестан // Юг России: экология, развитие. – 2017. – Т. 12. – № 2. – С. 213–228.
17. Качество жизни в российских регионах – Рейтинг 2019 [Электронный ресурс] // РИА Рейтинг. – Режим доступа: <https://riarating.ru/infografika/20200217/630153946.html> (дата обращения 18.03.2020).
18. Кравчук Т. А., Савенкова Д. А. Структурно-функциональная модель организации событийных мероприятий в регионе // Международный научно-исследовательский журнал. – 2016. – № 11-3 (53). – С. 47–51.

19. Малёнова Е. Д., Терских М. В. Подходы к понятию «имидж территории»: научный обзор // Стратегия устойчивого развития регионов России. – 2015. – № 26. – С. 45–79.
20. Напалкова И. Г., Курочкина К. В. Имидж региона: специфика, основные элементы и технологии конструирования // Экономическая история. – 2018. – № 43. – С. 414–429.
21. Николаева Е. В. Проблема культурного имиджа приграничного российского региона (на примере Калининграда) // Территория новых возможностей Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. – 2016. – Т. 8. – № 1 (32). – С. 212–218.
22. Пашкус В. Ю., Пашкус Н. А., Пашкус М. В. Создание сильного культурного бренда Санкт-Петербурга: прорывное позиционирование и подходы к оценке // Региональная экономика: теория и практика. – 2016. – № 4. – С. 19–30.
23. Пулькина В. А. PR-текст как инструмент территориального имиджмейкинга в период кризиса [Электронный ресурс] // Медиаскоп. – 2016. – Вып. 2. – Режим доступа: <http://www.mediascope.ru/?q=node/2115> (дата обращения 18.03.2020).
24. Рамазанова Г. Д. Российский опыт использования событийного PR в создании и продвижении бренда территории // Коммуникология. – 2017. – Т. 2. – № 1. – С. 73–82.
25. Рейтинг регионов по уровню долговой нагрузки за 9 месяцев 2019 [Электронный ресурс] // РИА Рейтинг. – Режим доступа: <https://riarating.ru/regions/20191030/630138832.html> (дата обращения 18.03.2020).
26. Рейтинг российских регионов по уровню зарплат – 2019 [Электронный ресурс] // РИА Новости. – Режим доступа: <https://ria.ru/20191202/1561756977.html> (дата обращения 18.03.2020).
27. Сергеева Е. А. Феномен имиджа: теоретические предпосылки и современные философские концепты // Социально-гуманитарные знания. – 2016. – № 4. – С. 337–341.
28. Тория Ж. Н. Формирование позитивного имиджа Карачаево-Черкесской республики в российском информационном пространстве (социологический подход) // Коммуникология. – 2018. – Т. 6. – № 5. – С. 99–106.
29. Хорольцева Е. Б. Проектирование этнокультурного бренда региона как ресурс управления развитием территории // Среднерусский вестник общественных наук. – 2018. – Т. 13. – № 2. – С. 23–36.
30. Чувакова С. Г., Сбусина М. В. Имидж региона и теоретические подходы к его классификации // Региональная экономика: теория и практика. – 2011. – № 17. – С. 43–47.

КУЗНЕЦОВ Я. П.

КОНЦЕПТ «ДЕМОКРАТИЯ» В ЛИБЕРТАРИАНСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

Аннотация. В статье представлен анализ концепции демократии с точки зрения ее соответствия ценностям классического либерализма и либертарианства. Рассмотрен процесс перехода от идеи минимального демократического государства к теории анархо-капитализма в воззрениях представителей австрийской экономической школы.

Ключевые слова: демократия, политическая идеология, либерализм, либертарианство, анархо-капитализм, монархизм.

KUZNETSOV YA. P.

THE CONCEPT OF DEMOCRACY IN THE LIBERTARIAN POLITICAL THEORY

Abstract. The article provides an analysis of the concept of democracy in terms of its conformity with the values of classical liberalism and libertarianism. The process of transition from the idea of a minimal democratic state to the theory of anarcho-capitalism in the views of representatives of the Austrian economic school is considered.

Keywords: democracy, political ideology, liberalism, libertarianism, anarcho-capitalism, monarchism.

Когда дело касается политического устройства той или иной современной страны, в рассуждениях зачастую фигурируют термины «капитализм», «либерализм», «демократия». Действительно, большинство современных развитых стран, включая Соединенные Штаты, представляют собой капиталистические государства, которые в той или иной мере придерживаются либеральных ценностей. Из-за того, что в мире преобладают такого рода государства, сложилось мнение, что либерализм и демократия неотделимы друг от друга или даже являются чуть ли не тождественными понятиями. Институт демократии ассоциируется со свободой слова, политическими правами граждан, плюрализмом, правовым государством и другими либеральными ценностями. Демократический республиканизм, который устоялся на большей части земного шара, позиционируется как закономерный итог перехода от абсолютной монархии и единоличного правления к политическому плюрализму и власти всего народа, а не одного человека. И пример США как первого демократического государства, основанного на либеральных принципах, говорит в пользу данного политического режима как инструмента по достижению благополучия. Но действительно ли демократический республиканизм необходим для отстаивания ценностей свободы? Ведет ли к процветанию демократия с точки зрения либеральной традиции?

Данную тему стоит рассмотреть с позиции одной из современных западных идеологий – либертарианства. Исследователь политической философии Аласдер Макинтайр относит либертарианство и классический либерализм к одной традиции политической мысли, основываясь на их доктринальном сходстве. Это сходство заключается в согласии со значительным количеством нормативных принципов и более или менее эмпирических обобщений относительно мироустройства. Также Макинтайр выделяет и политическое сходство двух идеологий, заключающееся в существенном согласии выводов относительно того, каким образом применимы общепризнанные нормативные ограничения и существование какого типа государства (если таковое вообще возможно) является оправданным [5].

Либертарианство, вышедшее из классического либерализма и классического анархизма, хотя и является в современных реалиях отдельной идеологией, но при этом, как и либерализм, основывается на нормативном индивидуализме, свободе как политической или правовой норме, а также ограничении влияния института государства. Так, Дэвид Боуз характеризует либертарианство как политическую философию, «последовательно применяющую идеи классического либерализма, доводя либеральную аргументацию до выводов, более жестко ограничивающих роль государства и защищающих свободу личности в большей степени, чем любые другие классические либералы» [2, с. 28-29]. Таким образом, на основании трудов теоретиков либертарианства можно проанализировать отношение к демократии с точки зрения либеральной традиции.

Описывая институт демократии, Роберт Даль выделяет пять предоставляемых им возможностей, а именно: эффективное участие; равное голосование; понимание, основанное на информативности; осуществление контроля за повесткой дня; включенность в жизнь общества [3, с. 42]. Эти возможности определяют эффективность демократического процесса, который в итоге приводит к осуществлению определенного общественного интереса, проявляющегося в процессе выборов волей большинства. Либертарианство же, опирающееся на индивидуализм, в первую очередь ставит во главе интересы отдельного человека, индивида, а не некоей группы или большинства этой группы, и это приводит к основному конфликту с идеями демократии, основанной на важности воли большинства.

С другой стороны, представитель австрийской школы Фридрих фон Хайек в своей работе «Дорога к рабству» подчеркивает, что индивидуализм вовсе не отрицает существование совпадений в нуждах индивидов, которые заставляют их объединять усилия для достижения одной цели [7, с. 78]. Однако в этом случае общественный интерес имеет место быть только при таком условии, когда его осуществление приведет в конечном итоге к удовлетворению интересов индивидов, которые формируют общество. У общества, как такового, нет мнения или интересов, они есть у множества индивидов. Таким образом,

общественный интерес не является целью сам по себе, и его осуществление является лишь шагом к достижению разных целей разных людей.

Казалось бы, путем голосования можно легко определить этот общественный интерес, узнав мнение большинства по тому или иному вопросу. Но чем обширнее будет вынесенный на голосование вопрос, чем больше он будет содержать подкатегорий и нюансов, тем ниже вероятность, что индивиды придут хоть к какому-то согласию. И это относится в первую очередь к государственной политике, регулируемой институтом демократии. Даже если большинство проголосует за ту или иную услугу от государства, абсолютно каждый из индивидов будет иметь свое собственное мнение относительно ее характера и содержания, а значит, в конечном итоге никто не будет удовлетворен результатом. Если же проводить голосования по каждому конкретному пункту вопроса, то уже не получится достичь согласия по вопросу в целом ввиду индивидуальных предпочтений каждого избирателя.

В качестве примера неэффективной политики государства, утвержденной голосованием, Хайек приводит план экономического развития, за введение которого может проголосовать большинство, но это большинство не будет иметь общего согласия касательно конкретных результатов экономического плана. При этом невозможно и его постатейное обсуждение, т.к. очевидно, что он должен основываться на некой единой концепции. И даже если парламент и разработал бы определенную схему по итогам поэтапного голосования, то на этапе реализации она бы все равно никого не удовлетворила. «Сложное целое, все части которого должны быть аккуратнейшим образом прилажены одна к другой, не создается путем компромисса между конфликтующими точками зрения» [7, с. 83]. Иными словами, едва ли возможно путем голосования принять ряд комплексных мер по тому или иному вопросу ввиду того, что во всем обществе не найдется даже пары людей с абсолютно одинаковым мнением по какому-либо вопросу.

Как бы то ни было, предполагается, что решение по тому или иному вопросу, вынесенное на голосование и набравшее большинство, и является проявлением того самого общественного интереса, который непременно направлен на улучшение жизни всего общества. Однако это верно лишь при условии, что большинство будет отдавать предпочтение наиболее разумному варианту развития событий, осознавая взаимосвязь целей и средств в политике, т.е. будет обладать тем самым пониманием, приведенным Далем. Людвиг фон Мизес считал, что интерес определяется некоей идеей, которой проникается индивид или группа индивидов. Человеческая деятельность, анализируемая сквозь призму интересов, является именно продуктом идей, которые выступают в качестве ее движущей силы [4, с. 67]. Иными словами, дальнейший курс демократического правительства зачастую зависит от идеологии, идеи, которая овладела умами большинства населения. При этом сам характер

идеи, ее цели и средства значения не имеют, в отличие от ее распространенности и популярности среди населения. На протяжении истории уже было не раз продемонстрировано, что общество вполне может сделать выбор в пользу ложной идеологии, воплощение которой будет вредить благосостоянию и разрушать общественное сотрудничество. В таком случае общественный интерес выступает по-настоящему разрушительной силой, которой не могут противостоять отдельные группы индивидов, не разделяющие мнение большинства. Это приводит к диктатуре большей части населения и ущемлению прав тех, кто не согласен с общественным мнением.

Анализируя плюсы и минусы демократии, Хайек не дает положительной или отрицательной характеристики. Он представляет демократию как утилитарное средство, приспособление для защиты социального мира и свободы личности. С другой стороны, демократия может и препятствовать свободе личности, подчиненной воле догматического большинства [7, с. 88]. Проще говоря, демократия может использоваться как для защиты либеральных ценностей, так и для их подавления: в зависимости от характера использования данного института в системе власти.

Если Фридрих фон Хайек рассматривал демократию как инструмент, который можно использовать как для защиты, так и для ущемления прав, то его коллега и современник Мюррей Ротбард, как теоретик анархо-капитализма, подчеркивал, что государство само по себе является источником ущемления прав независимо от политического режима. Демократическое государство в этом плане отличается лишь тем, что использует более основательную и аккуратную пропаганду, апеллируя к распространенным среди населения ценностям: свободе, равенству, справедливости, патриотизме и т.д. [6, с. 324]. По мнению либертарианского теоретика, множество частных организаций и добровольных объединений с собственными уставами и законами куда лучше смогут справиться с реализацией и защитой прав и свобод индивидов и должны, нежели государства, насаждающие населению универсальные правила путем легитимного насилия. При этом на уровне данных объединений (которые принято называть «либертарианскими общинами» или «контрактными юрисдикциями») решение тех или иных вопросов может осуществляться, в том числе, и демократическим путем.

Более радикальная позиция Ротбарда об изначально негативной природе государства, будь оно диктатурой или демократией, легла в основу теории анархо-капитализма, которая и отличает либертарианцев от остальных представителей либеральных направлений. Речь уже идет не об ограничении власти государства через демократические институты, а об упразднении государства как такового. Таким образом, даже самое свободное и

демократичное государство, с точки зрения современной теории либертарианства, считается в лучшем случае «неизбежным злом», которое так или иначе попирает свободу индивидов.

Несмотря на общую негативную оценку любой формы государства, современный идеолог либертарианства Ганс Герман Хоппе определяет именно демократию как такую форму государства, которая непременно приводит к увеличению государственной власти и, как следствие, систематическому нарушению прав и свобод граждан этого государства [1, с. 13]. Хотя и абсолютно любое государство по своей природе стремится к внутренней и внешней экспансии, интенсивность этого расширения всегда различается в зависимости от формы правления, политического режима и отношения к собственности. Так, Хоппе характеризует монархию как частное правительство, т.к. монарх, определяющий политику государства, является по сути частным собственником всех ресурсов страны. Король заинтересован в такой степени налогообложения своих поданных, при которой у последних появляются возможности для развития собственного экономического благополучия, что, в свою очередь, в будущем даст возможность правителю увеличить свое благосостояние за счет увеличения взимаемых налогов с уже более богатого населения [1, с. 21]. Из этого следует, что монархическое правительство склонно к более сдержанному вмешательству в экономическую жизнь населения из-за частного характера государственной собственности. Благодаря этому у частных собственников появляется больше возможностей для увеличения собственного благосостояния, что способствует, согласно Хоппе, развитию общества в целом.

Однако при демократии частный характер государственный собственности исчезает. Избранный глава государства может использовать находящиеся в его распоряжении государственные ресурсы, но он ими не владеет. «В отличие от короля, президент будет стремиться максимизировать не общее государственное богатство (капитальные и текущие доходы), а текущий доход (независимо от стоимости капитала)» [1, с. 23]. С заменой частной государственной собственности на общественную исчезает стимул к умеренной налоговой политике ради увеличения государственной собственности. Временщик заинтересован получить максимум за свой отведенный срок на посту главы государства и не заботится о том, что будет после его правления. Из этого следует неоправданное увеличение налогового бремени и отсутствие продуманной политики демократического правительства на длительный период. Таким образом, демократическое правительство постоянно расширяется, что приводит к увеличению вреда, которое оно наносит обществу путем ущемления прав и свобод.

В качестве еще одной причины более расточительной политики демократического правительства Хоппе приводит отсутствие ясного и развитого сознания класса управляемых, которые прекрасно отделяли свои интересы от интересов монарха. Но когда получение должности короля и продвижение в звание дворянства систематически реорганизуется из

монархии в общественное правительство, любой теоретически может стать членом правящего класса или даже президентом. Различие между правителями и управляемыми размыто, а классовое сознание управляемых становится нечетким. «Возникает иллюзия, что такого различия больше не существует: что с демократическим правительством никто не управляется кем-либо, и все вместо этого сами собой управляют» [1, с. 24-25]. Хотя при демократии и не существует официально отдельного сословия привилегированных людей, общество по-прежнему делится на управляющих и управляемых. Государственные служащие, которые работают на демократическое правительство, находятся под защитой общественного права, занимая таким образом привилегированное положение по отношению к лицам, действующим под простым частным правом [1, с. 74]. Таким образом, ни о каком равенстве при демократии говорить не приходится: дискриминация и привилегии продолжают существовать и при этом могут осуществляться любым человеком, который, находясь у власти, заинтересован выжать максимум из своего привилегированного положения.

По своей сути главный минус демократии можно свести к так называемому человеческому фактору, который при свободном входе в правительство приобретает поистине разрушительный характер. Благодаря сложившейся культуре общества посягательство на чужую собственность считается преступлением и пресекается физически, что удерживает потенциальных преступников от противоправных действий. При демократии же любой человек, стоит ему пробиться во власть, может преспокойно под тем или иным предлогом изъять собственность у другого, используя инструменты принуждения государства. Таким образом, практически любой человек в обществе может стать угрозой для других людей и их собственности [1, с. 80]. Предполагается, что институт демократии затем и существует, чтобы к власти приходили люди, которые представляют интересы населения и будут использовать вверенную им власть на благо общественности. Но, как уже было отмечено, большинство может склониться на сторону манящей, но разрушительной идеи, несущей в итоге вред всему обществу. Точно таким же образом на выборах может победить демагог, стремящийся заполучить на определенный срок доступ к государственным ресурсам сугубо для удовлетворения своих потребностей.

Представляя демократию более несправедливой формой государственного устройства, ведущей к экономическому упадку, Ганс Хоппе вовсе не пытается сказать, что будет лучше, если все либеральные демократии мира отменят выборы и поставят во главе королей, князей и царей. Он представляет свершившийся в большинстве стран переход от монархии к демократии как регрессивный процесс, ведущий к разложению общества. И это явление связано именно с усилением государства, которое пришлось на XX век, когда множество империй рухнуло, а на их месте появились демократические республики, государственная

власть в которых постепенно увеличивалась. В либертарианстве государство, будь оно демократическим или монархическим, может способствовать сохранению либеральных ценностей, только если будет лишено всей своей собственности и права на легальное насилие или же вовсе ликвидировано. Иными словами, не имеет значения, получает ли человек государственную должность по наследству или по итогам выборов. Пока агенты правительства будут по факту находиться в более привилегированном положении, права и свободы других людей и их частная собственность будут оставаться под угрозой.

Подводя итог, можно сказать, что институт демократии, по мнению идеологов либертарианства, сам по себе не может являться гарантией сохранения таких либеральных ценностей как неприкосновенность частной собственности и свобода личности. В лучшем случае институт демократии можно использовать как инструмент защиты прав и свобод индивидов путем ограничения государственной власти. Но демократия может и способствовать экспансии государства во все сферы жизни общества, что приводит к систематическому подавлению прав и свобод несогласных с популярным мнением меньшинства. Очевидно, что к благосостоянию общества, с точки зрения либертарианской теории, ведут верховенство права и рыночная экономика. Одно только наличие выборов, возможности отдать за кого-то свой голос не гарантирует соблюдение прав и свобод. Все граждане государства должны быть наделены равными правами без учета их принадлежности к большинству или меньшинству.

Что касается распространенных в наше время либеральных демократий, то они отличаются не наличием самих выборов и не тем, насколько выражена воля большинства, а степенью ограниченности власти большинства над индивидом. Значение имеет защищенность прав тех, кто оказался в меньшинстве, а также степень независимости политических институтов и свобода общественных организаций, которые должны иметь возможность распространять ценности, не пользующиеся популярностью у широких масс. Таким образом, демократию можно назвать одним из условий благополучия в обществе, но отнюдь не главным и не единственным. Большое значение имеют наличие независимой судебной системы, соблюдение прав человека, защита титулов собственности, возможность создавать общественные организации, чтобы их при этом не признали иностранными агентами или экстремистами. Без этого даже при наличии самых прозрачных выборов процветание государства может быть лишь временным и мимолетным, построенным на угнетении населения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Hoppe H. H. Democracy: The God That Failed: the economics and politics of monarchy, democracy and natural order. – New Jersey: Transaction Publishers, 2001. – 304 p.

2. Боуз Д. Либертарианство: История, принципы, политика. – Челябинск: Социум, 2004. – 392 с.
3. Даль Р. О демократии. – М.: Аспект Пресс, 2000. – 208 с.
4. Заостровцев А. П. Социальный либерализм: анализ с позиции австрийской школы // Общественные науки и современность. – 2015 – № 1. – С. 64–74.
5. Мак Э., Гаус Д. Ф. Классический либерализм и либертарианство: либеральная традиция [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.libertarium.ru/1642> (дата обращения 23.09.2019).
6. Ротбард М. К новой свободе. Либертарианский манифест. – М.: Новое издательство, 2009. – 398 с.
7. Хайек Ф. Дорога к рабству. – М.: Новое издательство, 2005. – 264 с.

БАХИШЕВА Э. Р.

ОСОБЕННОСТИ ПОЛИТИКИ МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМА ВО ФРАНЦИИ

Аннотация. В статье анализируется политика мультикультурализма во Франции как средство смягчения негативных последствий наплыва мигрантов. Отмечается, что часть мигрантов не желала и не желает менять свою национальную идентичность на французскую. Автор приходит к выводу о том, что это способствовало разделению общества и стало серьезным вызовом для Франции, с которым придется справиться.

Ключевые слова: национальная идентичность, проблемы миграции, миграционный кризис, иммигранты, мультикультуризм, политика ассимиляции, мультикультуралистский подход, ассимиляционистский подход.

BAKHISHEVA E. R.

FEATURES OF MULTICULTURALISM POLICY IN FRANCE

Abstract. The article analyzes the policy of multiculturalism in France considered as a means to mitigate the negative consequences of the influx of migrants. It is noted that some migrants did not and do not want to change their national identity to French. The author concludes that this has contributed to the division of society and has become a challenge for France to deal with.

Keywords: national identity, migration problems, migration crisis, immigrants, multiculturalism, assimilation policy, multiculturalist approach, assimilationist approach.

Социально-политическая реальность, которую призван зафиксировать термин «мультикультурализм», сложная и разнообразная. Именно поэтому существует много определений мультикультурализма, каждое из которых отражает отдельное значение этого феномена. Над изучением данного явления работают такие отечественные авторы как И. Л. Бабич, А. В. Бугалин, В. К. Антонова, П. С. Гуревич, В. С. Котельников, А. И. Куропятник, А. В. Попов, О. В. Родионова, В. А. Тишков и другие. Специфике французского мультикультурализма посвящены работы таких авторов как А. С. Гаева, Ю. С. Данилова, Р. Ле Коадик, В. В. Лоншакова, Д. Ю. Морозов, И. С. Новоженова, С. В. Орехова, Е. И. Филиппова, Н. В. Шмелева.

Мультикультурализм впервые появился в повестке дня политики в области образования в 1960-х годах, и сегодня он остается горячо обсуждаемой темой. На практике термин «мультикультурализм» охватывает широкий спектр стратегий. Тем не менее, существуют два ключевых элемента определения политики многокультурного образования. Первый – это фокус на разнообразии. Политика в области разнообразия – это любая деятельность, которая учитывает этническое, расовое или культурное разнообразие при

разработке или реализации культуры страны. Это широкое определение полезно при разработке относительно объективной меры для классификации мультикультурной политики. Тем не менее, оно нечувствительно ко второму важному элементу мультикультурализма: цели политики. Поэтому необходимо подразделить политику мультикультуризма на четыре категории в соответствии с намерениями.

Одной из категорий является ассимиляция, которая направлена на меньшинства с целью устранения культурных различий и поощрения культурной однородности. В отличие от этого подхода политика многокультурного разнообразия принимает другие культуры как полностью законные в стране. Пассивный мультикультурализм – это попытка учесть меру культурного разнообразия, сделав определенные исключения для меньшинств, ограничивая влияние изменений на большинство. Активная политика мультикультурализма идет дальше, пытаясь создать новую национальную культуру, которая охватывает меньшинства, а также культуры и перспективы большинства [3, с. 10].

Современный мир стал лучшим примером мультикультурализма, так как нет более уникальных и однородных обществ, живущих отдельно в любом уголке земли. Общества стали смесью различных этнических групп и людей. Однако концепция мультикультуризма может иметь разные последствия, когда речь идет о разных людях, живущих в одном обществе. То есть мультикультурализм может порождать конфликты и столкновения в обществах, так как люди разных верований, религий, языков и т.д. живут вместе.

Понимание различий в политике разнообразия помогает поместить мультикультурализм в контекст и позволяет проанализировать общие тенденции политики мультикультурализма во Франции, которая в основном сосредоточилась на ассимиляционной политике.

Стоит сказать, что изначально Франция неохотно приняла политику мультикультурализма в свою повестку дня, предпочитая сохранить, например, образование как сферу ассимиляции иммигрантов. Хотя Франция де-факто является мультикультурной страной и пережила массовую иммиграцию из Европы, Азии и Африки, она никогда до конца не принимала многокультурную политику. Рассмотрим особенности французского мультикультурализма.

1. Во французском обществе международных иммигрантов принимали. Однако они всегда считались и все еще считаются иностранцами, «людьми из других стран» и не воспринимаются как часть французского общества. Основным условием интеграции во французское общество для мигрантов является необходимость отказа от своей основной культуры и принятие французской культуры. Этот процесс не только труден для мигрантов,

но и требует более длительного периода времени. Вместе с тем, этот процесс необходим для сохранения местных французских тенденций и культуры.

По словам французских демографов, каждый пятый французский ребенок, родившийся сегодня, имеет по крайней мере одного родителя иностранного происхождения. Французские мусульмане, в основном, иммигранты из Алжира, Марокко, Туниса и Сенегала, составляют от 5 до 10 процентов населения – примерно 5 миллионов человек. И все же французская политика интеграции не признает этот демографический сдвиг.

2. Чтобы связать воедино это разнородное население, Франция по-прежнему требует определенной степени ассимиляции, которая явно стремится объединить всех иммигрантов воедино. Это одно из ключевых значений французского мультикультурализма, которое стремится стереть все различия между мигрантами для создания «французского народа».

Итак, основной чертой французской политики мультикультурализма является уклон на ассимиляцию мигрантов. Так, французское правительство запрещает любое «показное» проявление религии. Религиозно символическая одежда или демонстрации запрещены в таких общественных местах как школы и правительственные учреждения. Это происходит потому, что конституция, рожденная французской революцией, признает права отдельных лиц, а не групп или меньшинств. Правительство Франции не признает никакой конкретной религиозной или этнической идентичности – только гражданскую идентичность человека.

3. Французские законы запрещают государственное финансирование любой организации, связанной с религиозным объединением, и отказываются собирать данные переписи о вере граждан. В стране только недавно расширились антидискриминационные законы. На практике Франция пытается создать общую идентичность, рассматривая представителей североафриканского происхождения как «других».

Однако стремление французского правительства к общенациональному равенству привело к агрессивному подавлению разнообразия. Так, Закон 2004 года о запрещении ношения головных платков, косвенно направленный на мусульманских женщин, положил начало жарким национальным дебатам о месте религии в общественной жизни [2]. Эти дебаты стали более напряженными после того, как Франция приняла закон 2010 года, запрещающий закрывать лицо во всех общественных местах [1]. Этот закон направлен на мусульман. Понятно, что не ко всем религиям во Франции относятся одинаково. Так, христианам, например, официально разрешено носить кресты: потому что они считаются менее «показными». Хотя евреям может быть официально запрещено носить их головные уборы, этот закон редко применяется на практике. Следствием этого стало то, что и во Франции общество стало более разрозненным и открылось пространство для роста исламизма

Пламя недовольства также раздувала исламофобская риторика праворадикальной партии «Национальный фронт». Высокий уровень случайной дискриминации и низкий уровень социальной мобильности не позволяют французским мусульманам, 40% из которых живут в Париже, покинуть пригороды из гетто на протяжении нескольких поколений.

Результатом является мусульманское население, которое чувствует, что оно не обладает той же свободой. Многие мусульмане чувствуют, что они не свободны быть мусульманами во французском обществе из-за страха перед социальным отвержением и экономическим наказанием. С другой стороны, существует проблема радикализации общества, нежелания мусульман вливаться во французское общество, изучать язык и культуру Франции, намерение построить во Франции мини-государство, из которого они эмигрировали. Это особенно стало очевидным с наплывом мигрантов в 2015-2016 гг. [7, с. 9].

Стоит сказать, что в связи с наплывом мигрантов все большее жителей Франции недовольны такой ситуацией. Французское правительство всеми силами пытается минимизировать общественное недовольство мигрантами. Ежегодно огромные бюджетные средства тратятся на программы по интеграции приезжих в общественную жизнь страны. Например, правительством был представлен проект, предусматривающий меры по поддержке и интеграции во французское общество малообеспеченных мигрантов. Стоимость этих мер превышает 5 млрд. евро. Проводятся льготные курсы по обучению иностранцев французским традициям и социальным нормам. Для мигрантов предусмотрены курсы французского языка, основы права и истории страны [8, с. 150].

Эта политика имеет благородные намерения. Она предназначена для обеспечения того, чтобы французское общество не было разделено. Вместе с тем, принятие французского равенства не должно повлечь за собой отказ от прав и свобод тех, кто претендует на различия. В этом свете недавние события во Франции влекут за собой более широкие дебаты о признании и приспособлении различий, которые, вероятно, должны быть свойственны всем диверсифицирующимся обществам.

Кроме того, явной проблемой политики мультикультуризма стало то, что идея интеграции мусульман во французское общество не стала доминирующей в среде мусульман. Этот факт подтверждает полный крах политики ассимиляции мигрантов во Франции.

Безусловно, Франция достигла больших и неоспоримых успехов в деле защиты демократических прав и свобод своих граждан. Это в полной мере относится к правам проживающих в них меньшинств: религиозных, этнических, сексуальных. Однако либеральная политика не привела к интеграции мусульман [5, с. 3].

Наоборот, все большее число мусульман предпочитает жить в рамках собственной общины, исключительно по своим законам. Отказываясь от европейской идентичности, они

делают выбор в пользу «чистого» ислама. Это стало основным вызовом для Франции. На данный момент еще предстоит определить траекторию дальнейших действий в этом вопросе, но тот факт, что во Франции уже сегодня приобретает популярность праворадикальные настроения [6, с. 45]. Не будет преувеличением утверждать, что национализм в ближайшем будущем может вытеснить политику мультикультуризма во Франции. Это связано с тем, что политика мультикультуризма оказалась неэффективной и больше способствовала разделению общества, чем ассимиляции мигрантов.

Тем не менее, есть аспекты мультикультуралистского и ассимиляционистского подходов Франции, которые обладают значительной ценностью. Например, здесь приветствуются мультикультурное признание разнообразия и решимость ассимиляторов относиться ко всем как к гражданам, а не как носителям определенной расовой или культурной истории. В то же время, есть аспекты, которые наносят ущерб: мультикультуралистская тенденция помещать меньшинства в этнические и культурные рамки, в результате чего ассимиляционная попытка создать общую идентичность путем институционализации различий между группами терпит крах. Идеальная политика мультикультурализма должна поощрять разнообразие, рассматривая всех как граждан, а не просто подчеркивая принадлежность к конкретным общинам.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Loi 2004-228 du 15 mars 2004 encadrant, en application du principe de laïcité, le port de signes ou de tenues manifestant une appartenance religieuse dans les écoles, collèges et lycées publics [Закон № 2004-228 от 15 марта 2004 года, контролирующий ношение знаков или одежды, демонстрирующих религиозную принадлежность в государственных школах, колледжах и лицеях] [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.legifrance.gouv.fr/affichTexte.do?cidTexte=JORFTEXT000000417977&dateTexte=&categorieLien=id> (дата обращения 18.04.2020).
2. Loi 2010-1192 du 11 octobre 2010 interdisant la dissimulation du visage dans l'espace public [Закон 2010-1192 от 11.10.2010 г. Запрет на сокрытие лица в публичном пространстве] [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.legifrance.gouv.fr/affichTexte.do?cidTexte=JORFTEXT000022911670&categorieLien=id> (дата обращения 18.04.2020).
3. Апажева Е. Х., Зумакулов Б. М., Маремшаова И. И., Цолоев Т. С. Патриотизм или толерантность: межнациональные отношения в полиэтнических обществах XXI в. // Вестник КалмГУ. – 2017. – № 4 (36). – С. 6–11.

4. Конституция Французской Республики 1958 года с изменениями [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.conseil-constitutionnel.fr/sites/default/files/as/root/bank_mm/constitution/constitution_russe_version_aout2009.pdf (дата обращения 18.04.2020).
5. Матвиенко В. А. Особенности трансформации политической и религиозной идентичности: зарубежный опыт // Концепт. – 2014. – № 11. – С. 3.
6. Морозов Д. Ю. Североафриканская иммиграция во Франции. – М.: ИЭА РАН, 2019. – 50 с.
7. Новоженова И. С. Миграционный кризис и положение беженцев во Франции // Актуальные проблемы Европы. – 2016. – № 4. – С. 1–9.
8. Орехова С. В. Миграционная политика Франции // Власть. – 2017. – № 3. – С. 149–151.

БАТЯЕВ Р. А., МАЛЬЧЕНКОВ С. А.
РАЗВИТИЕ ТЕНДЕНЦИЙ МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМА
В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ И В РОССИИ¹

Аннотация. В статье представлен анализ основных тенденций развития мультикультуралистских идей с момента их зарождения до современного периода. Авторы делают вывод о том, что, хотя мультикультурализм никогда не признавался в качестве приоритетного принципа национальной политики России, в настоящее время отдельные его идейные аспекты могут быть успешно применены в отечественной политической практике.

Ключевые слова: мультикультурализм, национальная политика, Россия, «плавильный котел», миграция.

BATYAEV R. A., MALCHENKOV S. A.
TRENDS OF MULTICULTURALISM
IN CONTEMPORARY WORLD AND IN RUSSIA

Abstract. The article contains an analysis of the main trends in the development of multicultural ideas from the moment of their inception to the modern period. The authors conclude that, although multiculturalism has never been recognized as a priority principle of the national policy of Russia, at present some of its ideological aspects can be successfully applied in the political practices of Russia.

Keywords: multiculturalism, national policy, Russia, “melting pot”, migration.

Идея мультикультурализма представляет собой одну из наиболее авторитетных и влиятельных концепций организации взаимодействия различных этносов в многонациональных государствах. Как политический принцип она начала оформляться в конце 1960-х годов в Канаде. Возникновению мультикультурализма как идеи совместного, равного и взаимовыгодного проживания представителей различных народов способствовала не только популярность либеральных идей в канадском обществе, но и ощутимые экономические потребности в привлечении иммигрантов. Снижение рождаемости, увеличение удельного веса людей с высшим образованием, не желающих занимать малооплачиваемые вакансии, которые не требуют специальной подготовки, обусловили значительный приток в Канаду выходцев из других стран и континентов. Уступая США в плане привлечения мигрантов почти по всем параметрам (уровень жизни, климат, транспортная доступность и т.д.), Канада сделала

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект «Пространственное развитие России как фактор нациестроительства и формирования национальной идеи» № 18-011-00364 А.

своеобразную ставку на создание для вновь прибывших максимально комфортных условий культурного и языкового плана, которые резко отличались от традиционного для Америки «плавильного котла». В качестве государственной политики мультикультурализм окончательно утвердился в годы правления премьер-министра П. Э. Трюдо после включения его идейных основ в такой важнейший документ как Канадская хартия прав и свобод, которая образует первую часть Конституционного акта Канады 1982 года.

В 1970-80-е годы начинается и научное осмысление мультикультуралистских идей. Классическое определение было дано американским социологом Натаном Глейзером, который понимал под мультикультурализмом «комплекс разнообразных процессов развития, в ходе которых раскрываются многие культуры в противовес единой национальной культуре» [1, р. 137]. Нетрудно заметить, что в самом этом толковании мультикультурализм определяется как противоположность «плавильному котлу», характерному для США. Помимо Глейзера, заметный вклад в исследование мультикультурализма внесли такие зарубежные авторы как С. Бенхабиб, Б. Бэрри, С. Жижек, У. Кимлика, Ч. Кукатас, Т. Модуд, Р. Патнэм, Ч. Тэйлор и многие другие. В отечественной науке к проблеме мультикультурализма обращались А. В. Бузгалин, В. К. Антонова, Н. К. Гасанова, Н. С. Кирабаев, В. С. Котельников, А. И. Куропятник, В. С. Малахов, И. А. Мальковская, А. В. Попов, В. А. Тишков и другие.

Сегодня мультикультурализм представляет собой сосуществование различных народов и, что более важно, культур между собой без попыток подавления одной культуры другой. Преимущества данного подхода в том, что сохраняются языки, которые сопровождают эти народы на протяжении всей истории, их бытовые нормы и правила, а также морально-нравственные нормы, свойственные этим народам. В то же время сложно поспорить с тем, что при таких идейных основах из достоинств неизбежно вытекают недостатки.

В качестве наиболее сложной проблемы мультикультурного развития стоит назвать конфликты, вызванные тенденциями глобальной миграции. До определенного момента, когда стала происходить миграция из стран с менее развитой экономикой и инфраструктурой, люди могли взаимодействовать между собой преимущественно на уровне государств или краткосрочного туризма. Поэтому нравы другой страны не вызывали непонимания, а порой яркого неодобрения у людей с иным восприятием культурных норм. Сегодня же в эпоху постоянного совместного проживания представителей различных культур данная проблема становится как никогда острой.

Следует отметить, что проблема миграции из североафриканских и ближневосточных стран в значительной степени была спровоцирована внешней политикой стран Запада. Интервенции сил НАТО в Ирак, Афганистан, Сирию и Ливию, а также определенное содействие «Арабской весне» привели экономику практически всех этих стран к кризису, в

результате чего их граждане были вынуждены бежать в Европу. При этом свою роль в привлечении иностранцев сыграли и весьма располагающие условия: пособия по безработице, социальные гарантии и т.д.

Анализ современного положения дел показывает, что европейские страны, будучи приверженцами идей мультикультурализма, недостаточно активно стремятся интегрировать мигрантов в свое общество. Это связано с еще одной проблемой современного мультикультурализма – языковой. Вопрос о том, должны ли люди, переезжающие на постоянное место жительства в страну, знать ее язык, остается дискуссионным до сих пор. При этом вопрос о языке стоит остро не только в странах с прибывшими из-за рубежа людьми, но и, например, в Гонконге в силу исторических обстоятельств. Данная территория довольно долго контролировалась Великобританией, но сейчас находится под контролем Китайской Народной Республики. На территории Гонконга жители учат два языка, однако далеко не все специалисты, в том числе и лингвисты, относятся к этому положительно. Так, например, Эйнджел Лин, специализирующаяся на мультилингвистических исследованиях, пишет, что вопрос об изучении двух языков жителями Гонконга неоднозначен. В качестве негативного проявления она приводит уроки по различным предметам в школах, когда учителя несколько раз переключаются между языками, что приводит к искажению восприятия учениками [3, р. 56]. Схожим образом обстоит дело и в бывшей португальской территории Аомынь (Макао).

Лиз Джексон в свою очередь приводит примеры различных стран, которые по-разному решают проблему миграции и сосуществования народов. В Квебеке постепенно начинают обучать детей мигрантов на английском, в США обучение проводится только на данном языке, Франция, Гонконг, Япония также склоняются к необходимости изучения языка. А вот ЮАР, напротив, разрешает обучение на усмотрение ученика [2, р. 110]. Вопрос о знании языка и принятии культуры страны является одним из ключевых, хотя и не столь очевидных как бытовые проблемы разного восприятия повседневных явлений.

В качестве контраргумента о необходимости изучения языка новой страны приводится утверждение относительно внутреевропейской миграции. Мариан Харкин, к примеру, пишет о том, что если человек из Ирландии или Великобритании переедет в Германию, то он не будет нуждаться в изучении немецкого. При этом Клэри Фернандес считает, что для детей, изучающих немецкий язык вторым, существует различное отношение со стороны учителей и администраций школ в зависимости от происхождения (в основном, между детьми из других стран Запада и всего остального мира). Данный процесс определенно не способствует интеграции детей-мигрантов разных стран на равных условиях [4].

Проблемы мультикультурализма, разумеется, заключаются не только в этом. Наиболее остро стоит вопрос о том, что мигрантские общины зачастую являются питательной средой

для активизации деятельности террористических и экстремистских организаций. Можно вспомнить террористические акты во Франции, которые случились вследствие отсутствия взаимодействия умеренных мусульманских общин, а также на фоне провокаций журнала «Шарли Эбдо».

В последние годы очень активно обсуждается такая проблема как массовые домогательства мигрантов по отношению к европейским женщинам. Это связано во многом с различным восприятием культурных норм у европейцев и выходцев из Азии и Африки. Человек, приехавший с Ближнего Востока, видя девушку, одетую по-европейски, неверно интерпретирует ее намерения. В результате получается, что таким образом мигрантское сообщество пытается вносить свои правила на чужую территорию. В странах Европы проводится активная работа, включающая в себя как разъяснительную деятельность, так и привлечение к юридической ответственности, однако сложно опровергнуть тот факт, что проблема до сих пор далека от разрешения.

Вообще, положение женщин становится одним из наиболее заметных камней преткновения в процессе построения мультикультурализма. Традиционно в обществах Востока женщины занимают более низкое положение. Поэтому, приезжая в определенные азиатские страны, девушка, не являющаяся мусульманкой, также должна носить хиджаб. При этом в Европе отношение к этой проблеме неоднозначно. Во Франции запретили ношение хиджаба, а в Турции, напротив, разрешили после более чем девяностолетнего запрета [8]. В России сложилась уникальная ситуация: на территории нашей страны в школах существует запрет на религиозную одежду, а на территории Чеченской республики, наоборот, был подписан указ о допущении данной формы одежды в школах [5]. Противоречие между федеральным законодательством и законодательством субъекта федерации на данный момент не привело к осуждению со стороны других регионов, но в будущем, если в этом субъекте или любом другом будут появляться законы, которые идут вразрез с федеральными, противоречие может усилиться.

Возвращаясь к положению в Европе, можно резюмировать, что отсутствие интеграции коренного и приезжего населения приводит к реакции в виде появления ультраправых партий и увеличения числа их сторонников с каждым годом. Эти партии не рассматривают включение новоприбывших людей и их адаптацию, а предлагают ужесточить меры по въезду и решить вопрос с уже проживающими на территории данных стран граждан путем их депортации. Однако данный путь невозможен без столкновений, возмущений и может привести к новым террористическим актам.

В начале 2010-х годов под впечатлением от конфликтов, вызванных новым масштабным притоком беженцев, сразу несколько влиятельных политиков Германии,

Франции и Великобритании сделали заявления о провале политики мультикультурализма или, как минимум, о вступлении ее в кризисную стадию. Однако, на наш взгляд, в данных высказываниях речь шла, скорее, не об окончательном отказе от мультикультурализма как от принципа, а о необходимости противодействовать его негативным тенденциям.

Что касается применения идей мультикультурализма в современной России, то этот вопрос также едва ли может быть решен однозначно. С одной стороны, в официально-государственном дискурсе в последние годы сложилась явно негативная коннотация: термин «мультикультурализм» однозначно ассоциируется с ценностями Европы и Запада в целом, которые воспринимаются враждебно особенно в свете противостояния, начавшегося в 2014 году. В частности, негативную оценку мультикультурализму дали постоянный представитель РФ при НАТО Д. О. Rogozin [7, с. 13] и председатель Конституционного суда РФ В. Д. Зорькин [6, с. 4]. В то же время при здравом размышлении можно прийти к выводу о том, что фактически на данный момент именно использование мультикультурализма (или, как минимум, отдельных его аспектов) представляется наиболее верным выбором дальнейшего развития национальной политики в многоэтничном российском обществе.

Основная альтернатива мультикультурализму в современном мире – принцип «плавильного котла», который в последнее время более политкорректно именуется принципом «салатницы». Он ассоциируется, преимущественно, с Соединенными Штатами, хотя был принят на вооружение и в таких странах как Аргентина, Бразилия и т.д. В последние годы предпринимается немало усилий на пути так называемого «форсированного нациестроительства», среди которых особенно выделяется попытка принятия Закона о российской нации. На данный момент наблюдается немало позитивных предпосылок к строительству единой нации. В первую очередь это развитие информационных технологий: они позволяют постоянно взаимодействовать через тысячи километров, благодаря чему люди могут получать информацию о жителях разных уголков страны из первоисточников. Также в сети Интернет можно обнаружить немало интерактивных карт России, показывающих распространение по ее территории различных культурных феноменов (например, прослушиваемой музыки или любимых футбольных клубов). Изучив их, мы увидим, что вкусы россиян довольно схожи, и это еще одна предпосылка на пути создания единой нации.

Тем не менее, на наш взгляд в обозримом будущем тенденции многокультурности в российском обществе будут преобладать. В первую очередь это связано с тем, что принцип «плавильного котла», в основном, утверждался в странах так называемого «переселенческого капитализма», т.е. там, где единое общество фактически формировалось мигрантами с нуля. В России же сложился огромный опыт развития культуры, социально-экономических отношений и государственности различных этносов, от которого они не будут отказываться.

Еще одна причина невозможности затруднений, с которыми неизбежно столкнется проект создания единой российской нации, лежит в области психологии и ментальности современного российского гражданина. Можно отметить, что в Советском Союзе также создавали государствообразующую нацию из различных народов, однако человек, относящий себя к советскому народу, придерживался определенной идеологии: он в первую очередь считал себя готовым на самопожертвование и был готов поступиться собственными интересами в пользу общества. Сегодня готовность к самопожертвованию осталась, но считается, что человек должен идти на жертву не ради общества, а ради будущего своей семьи. Коллективизм в идеологии отброшен, и российский человек должен быть индивидуалистом.

Также можно отметить, что американцы, оставаясь индивидуалистами, тем не менее, проявляют редкое единодушие во всем, что касается возвышения над остальными странами и установления национальной исключительности. Первенство в мировой экономике, в военной сфере, спорте и других областях только подкрепляют эту веру среднего гражданина США. СССР также использовал преимущества в различных сферах как элемент идеологии, однако Советский Союз меньше говорил о своей уникальности: только относительно прогрессивного строя, к которому должны прийти остальные страны. Кинематограф, литература, музыка не ставились как главенствующие в сфере влияния социалистических стран.

Стоит подчеркнуть и то, что в прежние десятилетия жители нашей страны были гораздо ближе друг другу в духовной сфере. Советский человек почти всегда, несмотря на наличие устоев, был атеистом или, по крайней мере, не был традиционалистом, что сглаживало противоречия между людьми. Сегодня же россиянин зачастую религиозен, хотя признается, что он может быть любой конфессии (кроме определенных протестантских деноминаций и течений радикального ислама).

Наконец, не способствует сближению представителей различных этнических групп и имущественное расслоение. Российский гражданин, в отличие от советского, может иметь совершенно разный доход. В результате у многих россиян возникает вопрос, с кем у них больше общего: с человеком, живущим в сходных условиях за рубежом, или же с россиянином, находящимся на совершенно другом уровне материального благосостояния. Также важно отметить, что на последних местах среди регионов РФ по уровню жизни находятся национальные республики (Ингушетия, Тыва и т.д.), что ее больше может обострить межэтнические взаимодействия. Кроме того, снижение уровня материального благосостояния большинства населения приводит к тому, что часть уезжает в большие города, а остальные не имеют возможности в достаточной мере путешествовать по собственной стране. А это приводит к потере культурных связей между жителями различных частей нашего государства.

Таким образом, можно отметить, что мультикультурализм как идейный принцип и элемент государственной национальной политики столкнулся в первые десятилетия XXI века с серьезными проблемами как в Европе, так и по всему миру. В то же время накопленный опыт сосуществования различных этносов позволяет рассчитывать на преодоление сложностей в обозримом будущем. Что касается России, то, хотя мультикультурализм в нашей стране никогда не признавался на государственном уровне, анализ текущего положения дел показывает, что его применение его идейных основ в современном российском обществе гораздо более предпочтительно по сравнению с американской концепцией «плавильного котла». Представляется, что наиболее эффективным для нашей страны мог бы стать принцип интеркультурализма, основанный на межкультурных взаимоотношениях. Этот подход, с одной стороны, имеет общие с мультикультурализмом идейные основы, а с другой – в большей степени учитывает особенности этнокультурного пространства современной России.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Glazer N. We Are All Multiculturalists Now. – Cambridge, 1997. – 179 p.
2. Jackson L. Multicultural or Intercultural Education in Hong Kong? // International Journal of Comparative Education and Development. – 2013. – No. 15 (2). – P. 99–111.
3. Lin A. Bilingualism or Linguistic Segregation? Symbolic Domination, Resistance and Code Switching in Hong Kong Schools // Linguistics and Education. – 1996. – No. 8. – P. 49–84.
4. Should EU migrants be required to pass language tests? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.debatingeurope.eu/2014/11/04/should-eu-migrants-be-required-to-pass-language-tests> (дата обращения 18.04.2020).
5. ВС РФ посчитал законным запрет носить хиджаб в школах [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rosbalt.ru/moscow/2015/02/11/1366912.html> (дата обращения 18.04.2020).
6. Зорькин В. Д. Современное государство в эпоху этносоциального многообразия. Выступление на Международном политическом форуме в Ярославле 7 сентября 2011 года // Российская газета. – 07.09.2011. – С. 4.
7. Русские хотят не привилегий, а равноправия и справедливости // Аргументы недели. – 2011. – № 36 (277). – С. 13.
8. Табу на хиджаб: в каких странах мусульманская женская одежда запрещена законом [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://joinfo.ua/curious/1236450_Tabuhidzhab-kakih-stranah-musulmanskaya.html (дата обращения 18.04.2020).

АСТАФЬЕВА Л. В., ВОЛКОВ С. Ю.

**РОЛЬ НОВЫХ МЕДИА В ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ КАМПАНИЯХ КАНДИДАТОВ
В ПРЕЗИДЕНТЫ РФ 2018 ГОДА: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ**

Аннотация. В статье проведен анализ использования средств новых медиа в ходе избирательных кампаний различных кандидатов, участвовавших в выборах Президента России 18 марта 2018 года. Авторы исследуют как электоральную значимость основных сетевых ресурсов, так и активность избирательных штабов отдельных кандидатов в привлечении на свою сторону наиболее массовой аудитории социальных сетей и интернет-блогов.

Ключевые слова: новые медиа, избирательные технологии, выборы.

ASTAFIEVA L. V., VOLKOV S. YU.

**THE ROLE OF NEW MEDIA IN THE ELECTORAL CAMPAIGNS OF THE
CANDIDATES FOR THE PRESIDENT OF RUSSIA 2018: A COMPARATIVE ANALYSIS**

Abstract. The article analyzes the use of new media during the electoral campaigns of the candidates who participated in the presidential elections in Russia on March 18, 2018. The authors examine both the electoral significance of the main network resources and the activities of the election headquarters of individual candidates in winning the votes of the users of popular social networks and online blogs.

Keywords: new media, electoral campaign techniques, elections.

Новые медиа имеют существенные преимущества перед традиционными СМИ в процессе политической коммуникации и являются удобной площадкой для координации политических сил при проведении различных мероприятий. Это предоставляет государственным деятелям дополнительную возможность оказывать влияние на политический выбор населения. Развитые коммуникационные ресурсы Интернета приводят к появлению новых форм политической агитации. В России продвижение кандидатов через Интернет – явление относительно новое, и поэтому заслуживает пристального изучения.

Новые медиа привнесли новые правила в процесс политической коммуникации. Во-первых, изменилась скорость и масштабность подачи информации и ее циркуляции в интернет-пространстве. Теперь процесс коммуникации не зависит от графика выхода в эфир определенной программы или публикации в печатных СМИ. Получить нужные сведения или поделиться определенной информацией сейчас стало возможным в режиме реального времени с помощью онлайн-трансляции. Во-вторых, интерактивность новых медиа

позволяется быстро получать обратную связь, благодаря чему происходит постоянное межличностное взаимодействие. Внести весомый вклад в политическую реальность может теперь любой человек, необходимо лишь сделать пост в социальной сети или блоге, прокомментировать чужую публикацию, выразить свое мнение каким-либо другим способом, доступным через самый простой гаджет.

Еще в ходе выборов 2004 года все кандидаты в президенты РФ создали собственные сайты для продвижения своих приоритетов. Каждая новая избирательная кампания в РФ отличалась все большим использованием цифровых технологий и, прежде всего, в области новых медиа. Данные средства помогают получить доступ к избирателям, ранее слабо вовлеченным в политическую среду, запускать различные сообщения, которое пользователи могут комментировать и ретранслировать, тем самым помогая кандидату оперативно повышать степень своей известности и популярности, формировать необходимые для успеха имиджевые характеристики, а также практически безнаказанно «сливать» на оппонентов «черный пиар». Важно отметить, что продвижение в Интернете пока обходится гораздо дешевле, чем через каналы традиционных СМИ [1], тем самым, кандидат при минимальном финансировании может быть добиться внимания огромной аудитории.

Все кандидаты в президенты РФ в 2018 году в определенной степени использовали новые медиа для проведения агитации. Стоит также отметить качественную работу SMM-специалистов избирательных органов, работавших над повышением явки на выборах: несмотря на то, что мало кто сомневался в итоговом результате, а выборы были не самыми динамичными и увлекательными, явка составила больше 67%. Большой процент явки показали только первые российские президентские выборы 1991 года.

Отдельного внимания заслуживают такие новые медиа как «ВКонтакте», «Instagram» и «YouTube»: ими чаще всего пользовались кандидаты для агитации на выборах 2018 года. Значительно ниже по значимости в российских политических реалиях оказались «Facebook» и «Одноклассники». «Мой мир», «Мой круг» и другие отмирающие платформы на выборах 2018 года практически не использовались. Блоги «Twitter» и «LiveJournal» были охвачены мало и далеко не всеми [2].

«YouTube», по данным Mediascope, регулярно смотрят 82% населения России в возрасте от 18 до 44 лет. По охвату «YouTube» может составить конкуренцию как интернет-платформам, так и традиционным медиа. В 2018 году аудитория «YouTube» опередила по месячному охвату все российские каналы, кроме Первого (в сегменте 18-44 лет). ТВ-каналы уже давно осознали перспективы развития «YouTube» и создали там собственные площадки. В «YouTube» также велась работа над повышением явки избирателей [3]. На каналах популярных видеоблогеров в «YouTube» за несколько дней до выборов были выложены

клипы, в которых авторы читали рэп про выборы. Потом новостной ресурс Lenta.ru запустил проект «Кто твой кандидат?» [4], в рамках которого каждый блогер снял свой предвыборный ролик в форме клипа. После выхода клипов участникам в комментариях стали писать о том, что они «подкуплены» и «продались Кремлю». Хотя из 8 участников президентской гонки только 5 использовали «YouTube» как официальный агитационный ресурс, на нем так или иначе «отметились» все без исключения кандидаты.

«Instagram» активно использовался только Ксенией Собчак, у которой к тому времени было более 5 млн. подписчиков. У других кандидатов также были созданы страницы, но работа в этой сети велась преимущественно для размещения новостей о претенденте, и не было живого взаимодействия с подписчиками. Между тем, «Instagram» в 2018 году уже позволял выкладывать не только фото-контент, но и видео длиной в минуту, а также снимать в режиме онлайн «stories» и проводить прямые эфиры.

Стоит отметить роль «Instagram» в повышении явки на выборах. С 11 марта многие российские знаменитости устроили эстафету под названием «Выборы там, где ты» [5]. Кампания заключалась в том, чтобы информировать пользователей о возможности выбрать удобный участок для голосования в приложение «госуслуги». Начал эстафету известный российский комик, доверенное лицо В. В. Путина – Михаил Галустян, у которого было 9 млн. подписчиков. Дальше пошла цепочка одинаковых постов в «Instagram» от блогеров-«миллионников». После выборов все они удалили запись об эстафете. Также многие из знаменитостей, принявших в ней участие, за несколько месяцев до этого приняли участие в акции «#жизньналадживается», где рассказывали о том, как Москва изменилась в лучшую сторону в период правления действующего мэра.

Сервис «ВКонтакте» активно использовался кандидатами для агитации, а также для рекламы самих выборов. В марте начала появляться реклама с левой стороны страницы от имени каждого пользователя. Реклама имела такие заголовки как «Заявись на выборы сейчас!», «18 марта – твой день», «Где ты хочешь сделать это?», «Для долга нет преград». Согласно правилам публикации рекламных объявлений в «ВКонтакте», там не допускается политическая реклама (например, продвижение сайтов депутатов), но разрешается «предвыборная агитация на территории РФ при соблюдении всех требований». К требованиям, в частности, относится оплата услуг со счета избирательного фонда кандидата в Сбербанке. Однако в предвыборном штабе Ксении Собчак до ее регистрации в ЦИКе рассказывали, что социальные сети отказались публиковать рекламу сообщества с текстом «Лучший способ поддержать кандидата «Против всех», ссылаясь на запрет политической рекламы. Несмотря на отказ в продвижении Собчак, «ВКонтакте» активно популяризировал

личный блог мэра Москвы Сергея Собянина. Продвижение велось через группы в категории «Туризм и путешествия» [6].

Для наглядного представления о работе штабов кандидатов, может быть использована таблица об их присутствии в социальных сетях и количестве подписчиков в их аккаунтах.

Таблица 1

Присутствие кандидатов в новых медиа (данные на 2018 г.)

	СОЦИАЛЬНЫЕ МЕДИА				
	Вконтакте	Одноклассники	Twitter	Instagram	Facebook
Путин	-	-	-	-	-
Грудинин	43 756	17 709	11 000	27 900	4 234
Жириновский	447 722	245 070	1 343 132	285 097	80 393
Собчак	38 022	6 481	1 615 479	5 618 456	240 055
Явлинский	46 240	8 700	204 498	-	103 410
Титов	2 292	239	2 840	15 057	15 577
Сурайкин	-	-	-	-	-
Бабурин	-	-	7 166	6 436	530

У В. В. Путина формально нет официальных аккаунтов в социальных сетях, однако мощная кампания велась через группы и сообщества поддержки действующего президента. В каждой популярной социальной сети есть такие группы, насчитывающие от 300 тыс. до 2 млн. подписчиков. Информация в них активно обновлялась, включала видео и фотоматериалы. Несмотря на то, что группы и сообщества являлись неофициальными, был замечен профессиональный подход в формировании новостной ленты и подборе материала. Недостатком работы штаба Путина в социальных сетях было отсутствие живого общения с кандидатом, а также формальное ведение групп и аккаунтов поддержки.

У П. Н. Грудинина были заведены собственные страницы в социальных сетях, также КПРФ имеет множество официальных сообществ с большим количеством подписчиков. Страницы КПРФ обновлялись чаще, имели более расширенный контент, от видео до диаграмм. Страницы Грудинина во «Вконтакте» и «Instagram» обновлялись чаще, чем в других социальных сетях, но из-за большого количества их атакующих ботов и неэффективной работы SMM-специалистов агитация не выглядела профессиональной. Тем не менее, работа штаба Грудинина в новых медиа была заметной, на него активно подписывались пользователи.

У В. В. Жириновского заведены официальные страницы во всех социальных сетях, в «Twitter» [7] более миллиона подписчиков, в «Instagram» более 200 тыс. подписчиков.

Официальные страницы в социальных сетях также заведены у партии ЛДПР. По количеству подписчиков и популярности Жириновский вместе с ЛДПР обгоняли Грудина, тем не менее, их агитация через социальные сети велась слабо. Было мало видео-контента, хотя он пользуется большей популярностью у пользователей. Чаще всего публиковались обвинения в адрес других кандидатов, а не продвижение своей программы.

У К. А. Собчак была проведена наиболее продуктивная агитация посредством новых медиа. Она задолго до выборов имела множество подписчиков в «Instagram» [8] и в «Twitter». Кроме того, штаб Собчак провел эффективную работу в социальных сетях. Перед ним стояла весьма сложная задача: изменить медийный образ Собчак со «светской львицы» на «серьезного политика», при том, что традиционные СМИ часто припоминали оппозиционному кандидату ее прошлое: клубные приключения, телешоу «Дом-2» и «Блондинку в шоколаде».

Г. А. Явлинский был зарегистрирован во всех социальных сетях, кроме «Instagram». Страницы были созданы задолго до избирательной кампании, но не пользовались большой популярностью у пользователей. Партия «Яблоко», также имевшая страницы в социальных сетях, вела слабую работу по продвижению своего кандидата. Штаб не уделил должного внимания социальным сетям.

У Б. Ю. Титова были заведены аккаунты во всех основных новых медиа, но реклама на ТВ не принесла большого количества пользователей к нему на страницы.

У М. А. Сурайкина работа в социальных сетях отсутствовала практически полностью: не было создано личных страниц, сообщества партии «Коммунисты России» обновлялись крайне редко, преимущественно содержали критику Грудина [9]. Страницы имели менее 20 тыс. подписчиков. Поведение весьма характерное для типичного «кандидата-спойлера».

Последнее относится и к кампании С. Н. Бабурина: у него были заведены личные аккаунты в некоторых социальных сетях, но агитации там практически не было. Так же, как и у Сурайкина, основная часть постов составляла антиреклама Грудина. Страницы закрылись сразу после выборов 2018 года.

Следует также отметить незначительную роль мессенджеров в данной предвыборной кампании, например, доля Telegram в обсуждении кандидатов составила менее 1 % [10].

Работа кандидатов в социальных сетях в ходе выборов 2018 года велась их штабами ситуативно, и данная активность оказалась ниже, чем можно было ожидать. Возможно, это происходило потому, что результат выборов практически всеми экспертами оценивался как заранее предреженный. Сказался и возраст кандидатов, большинство из которых относятся к поколению, слабо погруженному в современную медиа-среду.

По работе штабов кандидатов в Интернете можно разделить избирательные кампании кандидатов на 4 условные группы:

1. Собчак, Грудинин, Титов:

Впервые принимали участие в выборах в качестве кандидатов в Президенты. Многие избиратели не слышали ранее о них как о политиках. Эти избирательные кампании, в первую очередь, были направлены на повышение узнаваемости и респектабельности кандидатов. Результат был отчасти достигнут, хотя ни один из них не преодолел порог в 15%. Именно их публикации в новых медиа шире всего обсуждались интернет-сообществом.

2. Путин:

Действующего президента можно отнести к самостоятельной группе, так как от его лица и от лица его штаба формальная агитация в социальных медиа отсутствовала полностью, а работа с электоратом кандидата велась только через сайт. «YouTube» с этой целью также использовался сторонними аккаунтами, чаще всего с каналов новостных телепередач.

3. Жириновский, Явлинский:

Оба кандидата, являясь политическими «долгожителями» и обладая обширными каналами для коммуникации посредством Интернета, не воспользовались ими в полной мере. Агитация была малоинтересна для массового избирателя и во многом игнорировала новейшие технологии новых медиа несмотря на то, что кандидаты использовали все популярные платформы в России. Ни один ролик не стал популярным, их аккаунты не обладали должной раскруткой, хотя бюджеты их избирательных кампаний были выше, чем у большинства кандидатов.

4. Сурайкин, Бабурин:

Избирательные кампании в сети «кандидатов-спойлеров» стали, по сути, «отбыванием номера», поскольку изначально были ориентированы, прежде всего, на оттягивание у Грудинина части левого электората.

Деятельность избирательных штабов Ксении Собчак и Владимира Путина в новых медиа были сопоставима по произведенному резонансу, но несопоставима по результатам. Это связано с высоким уровнем электоральной поддержки Путина вне зависимости от избирательной кампании, а также со скандальным имиджем Ксении Собчак, активно обсуждаемым традиционными СМИ. Тем не менее, Собчак благодаря своей избирательной кампании обыграла «на правом фланге» такого опытного политика как Григорий Явлинский. Она получила почти 2% голосов. Стоит отметить, что Михаил Прохоров на выборах в 2012 года набрал около 8% [11].

Почему же демократически настроенный электорат больше поверил Прохорову, чем Собчак? Прохоров начал избирательную кампанию в Интернете за 4 дня до голосования,

Собчак использовала новые медиа с самого начала. Вероятно, сыграл свою роль более тяжелый «бэкграунд» Ксении Собчак: ее любовь к роскоши, эпатажные выходки, участие в скандальных телепроектах. Основной электорат Собчак – молодые обеспеченные жители крупных городов [12], многие из них обосновывали свой выбор тем, что она выступает за хорошие отношения с Западом, гражданские свободы, права женщин и сексуальных меньшинств, за демократическое развитие страны, потому что она «против войны», но для основной массы избирателей – это не самые значимые, а иногда и прямо провокационные лозунги. Кроме того, в 2012 году, на волне протестных настроений, у оппозиционных кандидатов изначально было больше шансов на высокий результат.

Владимир Путин снова не участвовал в дебатах и наблюдал за ходом избирательного процесса в РФ, присутствуя в нем лишь опосредованно. Во всех социальных сетях преобладали посты, опросы, видео, навеянные «крымским эффектом». При этом заметно, что поддержка в сообществах действующего президента носит «управляемый характер». Специфично, что в ней было элементов «политического шоу», характерного для подобных успешных медийных кампаний на Западе.

Отдельно стоит отметить избирательную кампанию Павла Грудина в Интернете. Он часто ходил на различные интервью к популярным блогерам, его предвыборные ролики были самыми просматриваемыми на «YouTube». Он стал самым обсуждаемым оппозиционным кандидатом в сети. Рейтинг Грудина начал падать после негативных репортажей по ТВ и масштабной «спойлерной» кампании, а также «черного пиара» в сети, что сильно повлияло на итоговый результат.

Владимир Жириновский вел активную агитацию в Интернете до выборов, но после объявления официальной избирательной кампании практически перестал ходить на популярные каналы, его почти не было заметно в Интернете. Только конфликт с Собчак попал в самые просматриваемые видео выборов. Штабы Титова и Явлинского занимались социальными сетями, но контент не был интересен пользователям – с предсказуемыми последствиями для результата. Сурайкин и Бабурин присутствовали в Интернете лишь формально.

Динамика использования новых медиа для агитации на выборах в РФ показывает, что с каждым годом кандидаты будут тратить больше средств на подготовку сетевых ресурсов и на работу SMM-специалистов. Технологии новых медиа будут развиваться с еще большей скоростью. Доверие к Интернету у избирателей продолжает возрастать, в то время как телевизионные каналы теряют свою аудиторию. Это общемировая тенденция, которая все в большей степени затрагивает и Россию.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Герасикова Е. Н., Власова А. А. Современные тенденции развития интернет-маркетинга и электронной торговли [Электронный ресурс] // UNIVERSUM: экономика и юриспруденция. – 2019. – № 1(58). – Режим доступа: <http://7universum.com/ru/economy/archive/item/6773> (дата обращения 09.03.2020).
2. Социальные сети: кто туда ходит и зачем? – ВЦИОМ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://infographics.wciom.ru/theme-archive/society/mass-media/internet/article/socialnye-seti-kto-tuda-khodit-i-zachem.html> (дата обращения 09.03.2020).
3. Второй по популярности после «Первого канала»: подробный обзор аудитории российского YouTube 2018 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.sostav.ru/publication/vtoroj-po-populyarnosti-posle-pervogo-kanala-podrobnyj-obzor-auditorii-rossijskogo-youtube-2018-34539.html> (дата обращения 09.03.2020).
4. Кто твой кандидат? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://kandidat.lenta.ru/#mainPage> (дата обращения 09.03.2020).
5. Выборы там, где ты [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.vladtime.ru/shou_biznes/644056 (дата обращения 09.03.2020).
6. Как работает политическая реклама во «ВКонтакте» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://tjournal.ru/news/64619-kak-rabotaet-politicheskaya-reklama-vo-vkontakte-sobyaniu-mozhno-sobchak-i-navalnomu-net> (дата обращения 10.04.2020).
7. Владимир Жириновский в Twitter [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://twitter.com/Zhirinovskiy> (дата обращения: 10.04.2020).
8. Ксения Собчак в Instagram [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.instagram.com/xenia_sobchak/ (дата обращения 10.04.2020).
9. Перцев А. Переменчивое большинство [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://carnegie.ru/commentary/75487> (дата обращения 10.04.2020).
10. Афонин В. Соцсети и выборы президента 2018: анализируем [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.cossa.ru/trends/199619/> (дата обращения 10.04.2020).
11. Результаты выборов. – ЦИК РФ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://cikrf.ru/activity/docs/postanovleniya/26549/> (дата обращения 12.04.2020).
12. Социология выборов. Почему одни поддержали Путина, а другие Собчак // МЦ Карнеги [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://carnegie.ru/commentary/75837> (дата обращения 12.04.2020).